
g 64/120

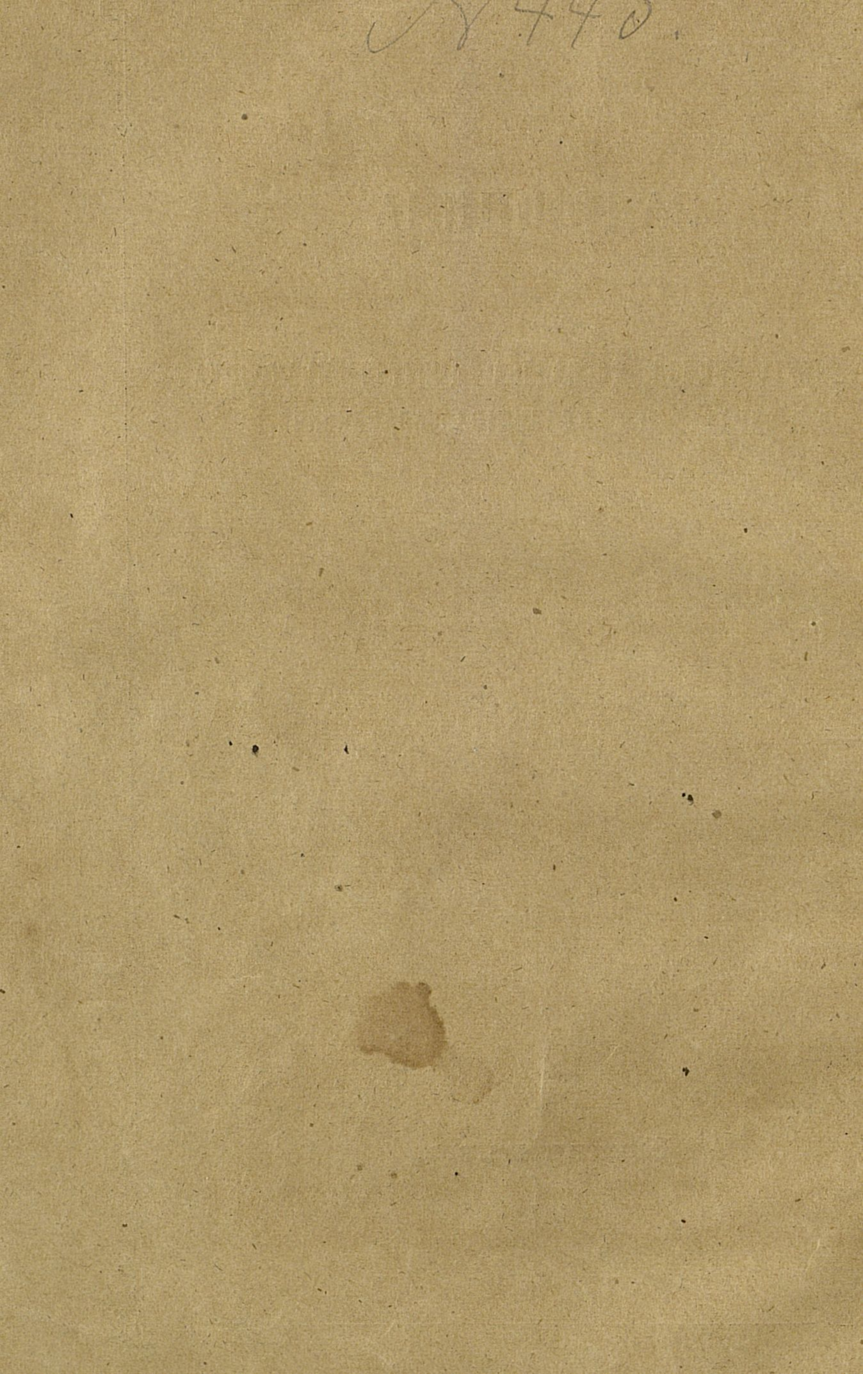
ЗАДОНЩИНА

ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ГОСПОДИНА ДМИТРІЯ ИВАНОВИЧА И БРАТА ЕГО ВЛАДИМІРА АНДРЕЕВИЧА.

Чтеніе *И. И. Срезневскаго.*

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1858.

№ 440.

ЗАДОНЩИНА

ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ГОСПОДИНА ДМИТРІЯ ИВАНОВИЧА И БРАТА ЕГО ВЛАДИМІРА АНДРЕЕВИЧА.

Чтеніе *И. И. Срезневскаго.*

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

1858.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
14-го Марта 1858 года.

Испр. должн. Непремѣн. Секретаря *К. Веселовскій.*

Изъ 5 выпуска VI тома Извѣстій Втораго Отдѣленія Академіи.

Куликовская битва (8-го Сентября 1380 г.), одно изъ важнѣйшихъ событій древней Руси, многознаменательное въ ряду событій всей Европы среднихъ вѣковъ, памятное народу Русскому по живому преданію, поминаемое каждымъ изъ насъ отъ дѣтства, эта Куликовская битва въ лѣтописяхъ нашихъ описана очень кратко, кратче многихъ другихъ битвъ и иныхъ гораздо менѣе важныхъ событій. Подробностей о ней надобно искать не въ разсказахъ лѣтописцевъ, а въ тѣхъ отдѣльныхъ повѣстяхъ, гдѣ лѣтописная правда и воспоминанія очевидцевъ или современниковъ перевиты цвѣтами размышленія и воображенія. За то этихъ повѣстей — и отдѣльно о Куликовской битвѣ и о князѣ Дмитріи Іоанновичѣ вообще — есть нѣсколько, и онѣ представляются въ очень разнообразныхъ передачахъ. Историку надобно обладать особеннымъ искуствомъ, а вмѣстѣ и смѣлостью, чтобы умѣть воспользоваться ими отъ своего лица; такъ будетъ по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока всѣ онѣ не будутъ подвергнуты разностороннему литературному и историческому, сравнительному разбору.

Расказы о Куликовской битвѣ шли и въ народъ, и тамъ, подвергались особенной обдѣлкѣ и передѣлкѣ.

Въ числѣ ихъ, надобно поставить то слово, котораго чтеніе представляется здѣсь. Это не историческая повѣсть, не сказаніе, — а поэма, похожая болѣе на былину Великорусскую или думу Малорусскую, чѣмъ на книжный разсказъ, поэма — только не въ стихахъ, а въ прозѣ, въ такой прозѣ, какою дословно одинаково передаются разными разсказщиками нѣкоторыя изъ сказокъ, или какую слышимъ иногда въ голосованьяхъ нищихъ слѣпцовъ о событіяхъ священныхъ или о добродѣтеляхъ и грѣхахъ людскихъ, въ такой прозѣ, какая въ Словѣ о полку Игоревѣ. Вотъ пока для образца нѣсколько строкъ:

«На томъ полѣ (Куликовѣ) сильныи тучи ступишася, а изъ нихъ часто сіяли молыньи, и загремѣли громы велиціи: то ти ступишася Рꙋскіе удальцы съ погаными Татарами за свою великую обиду. и въ нихъ сіяли сильные доспѣхи злаченые, и гремѣли князи Рꙋскіе мечьми булатными о шеломы Хиновскіе. А билися изъ утра до полудни въ суботу на Рожество Святой Богородици.

«Тогда же было лѣпо стару помолодитися. Хоробрый Пересвѣтъ поскакиваетъ на своемъ вѣщемъ сивцѣ. свистомъ поля перегороди, а ркучи таково слово: Лꙋчши бы есмя сами на свои мечи наверглися, нежели намъ отъ поганыхъ положенымъ пасти....» и пр.

Сходство этого слова о Куликовской битвѣ со Словомъ о полку Игоревѣ не ограничивается общимъ тономъ языка. Напротивъ того и тонъ изложенія и подборъ подробностей содержанія, и множество выраженій его живо напоминаютъ читателю о Словѣ о полку Игоревѣ — такъ,

какъ подражаніе напоминаетъ о подлинникѣ. Это было уже замѣчено г. Бѣляевымъ при изданіи Слова о Дмитріи Донскомъ по списку, находящемуся въ одномъ сборникѣ XVII вѣка библіотеки г. Ундольскаго (Временникъ, книга XIV). Даже и по отношенію къ Слову о полку Игоревѣ это слово стоило бы вниманія и разбора. Къ сожалѣнію списокъ г. Ундольскаго представляетъ подлинникъ въ дико искаженномъ видѣ. Разборъ слова по одному этому списку былъ невозможенъ. Къ счастію, оно сохранилось не въ одномъ этомъ спискѣ. Найдется, можетъ быть, и нѣсколько списковъ его— со временемъ, когда лучше будутъ разобраны громады нашихъ старинныхъ сборниковъ. Пока есть на виду, кромѣ прежде найденнаго, еще одинъ: онъ найденъ о. Архимандритомъ Варлаамомъ въ сборникѣ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, XV вѣка, и тамъ слово названо «Задонщиной». Въ другомъ мѣстѣ сообщено будетъ подробное описаніе этого любопытнаго Кирилло-Бѣлозерскаго сборника, составленное съ полнымъ усердіемъ о. Архимандритомъ и обогащенное множествомъ извлеченій; а теперь пока представляю списокъ «Задонщины», — и, чтобъ сколько нибудь подвинуть дѣло впередъ, не просто списокъ, а опытъ чтенія. Почему и какъ, объ этомъ позволю себѣ нѣсколько словъ.

Очень многіе изъ памятниковъ нашей письменности уцѣлѣли въ такихъ спискахъ, что возстановить ихъ смыслъ и содержаніе можно только посредствомъ взаимнаго восполненія списковъ. Въ такомъ видѣ осталось и слово о Дмитріи Донскомъ, названное въ этомъ Кирилло-Бѣлозерскомъ спискѣ «Задонщиной». Искажено оно въ спискѣ Ундольскаго разнаго рода описками; искажено оно не менѣе и въ спискѣ Кирилло-Бѣлозерскомъ, и если не послѣ, то по крайней мѣрѣ до тѣхъ

поръ, пока не нашелся еще хоть одинъ списокъ, лучше этихъ (а найдется ли еще такой!), надобно, для разумѣнія смысла «Задонщины», читать ее дополняя одинъ списокъ другимъ. Здѣсь представляется опытъ такого чтенія: послѣ перваго опыта другимъ удастся лучше. Текстъ Кирилло-Бѣлозерскій взятъ какъ главный (онъ напечатанъ широкимъ шрифтомъ); къ нему изъ списка Ундольскаго добавлено все, что мнѣ казалось необходимо для восполненія и уясненія смысла; изъ него взятъ и конецъ, котораго въ спискѣ Кирилло-Бѣлозерскомъ нѣтъ (все это напечатано сжатымъ шрифтомъ). Кое какія мелочи изъ описокъ писца я позволилъ себѣ измѣнить противъ подлинника, отмѣтя все это въ особыхъ подстрочныхъ замѣткахъ подъ каждой статьею. А такъ какъ между двумя списками во многихъ мѣстахъ есть очень любопытныя отличія, то всѣ онѣ по списку Ундольскаго, съ нужными оговорками, указаны въ особомъ приложеніи (Прил. I). Для легкости этого сличенія все слово раздѣлено на XV статей.

Стороннія объясненія, касающіяся содержанія, изложенія и выраженій, могутъ быть сдѣланы вѣрно только въ слѣдствіе историко-литературнаго разбора слова и его сличенія съ другими памятниками этого рода. До изданія ихъ рѣшаюсь представить, въ видѣ тезиса для опроверженія, взглядъ на «Задонщину,» какъ на народную собственность.

Нельзя сказать, чтобы и повѣсти и сказанія, даже лѣтописи оставались внѣ народной сферы. Тѣмъ менѣе можно отрицать народное значеніе такихъ словъ, какова «Задонщина».

Сличая два списка «Задонщины», вижу отличія, видоизмѣненія выраженій, перестановки мѣстъ, подстановки именъ и лицъ — такія, какихъ переписчикъ дѣлать не могъ — по

крайней мѣрѣ такъ часто и такъ произвольно, какъ можетъ дѣлать только тотъ, кто пишетъ не съ книги или съ тетради, а *съ памяти*. Вижу сверхъ того такое обиліе и такую случайность грамматическихъ неправильностей, какихъ нѣтъ въ спискахъ другихъ памятниковъ, какъ бы ни былъ безграмотенъ переписчикъ: и въ этомъ видится мнѣ, что слово писано не съ готоваго извода, а *по памяти*, если не въ эти сборники, гдѣ оно нашлось, то въ тѣ другіе, изъ которыхъ оно попало въ эти. Если же оно было записываемо въ книгу по памяти, то значитъ было достояніемъ памяти, переходило отъ лицъ къ лицамъ какъ преданіе, произносилось въ какихъ-нибудь приличныхъ случаяхъ, или напѣвалось, подобно былинамъ, думамъ, стихамъ, притчамъ, было въ ряду съ ними... Если же справедливо это, то въ «Задонщинѣ» мы имѣемъ образецъ особаго рода народныхъ поэмъ историческаго содержанія.

«Задонщина» напоминаетъ Слово о полку Игоревѣ — не даромъ. Оба слова — одного рода. Защитить чистую книжность Слова о полку Игоря невозможно. Тѣмъ менѣе можно найдти поводы думать, что для устнаго поэтическаго пересказа воспоминанія о Куликовской битвѣ нужно было искать образца въ такомъ словѣ, которое было достояніемъ однѣхъ книгъ а не памяти. Опровергнуть, что Слово о полку Игоревѣ не было достояніемъ однѣхъ книгъ — задача нелегкая. Защищать, что и Слово о полку Игоревѣ не произносилось, или не напѣвалось, какъ доселѣ напѣваются или голосятся притчи и стихи, думы и былины, сказки и баянки — задача трудная. Гораздо легче предполагать противное. Такъ и я позволяю себѣ предполагать: думаю что, и Слово о полку Игоревѣ принадлежитъ къ числу достояній памяти и устной передачи, къ числу такихъ же поэмъ, каково — слово о Задонщинѣ.

Оно записано было ранѣе, и потому не такъ испорчено грамматическими неправильностями и пропусками.

Кому покажется страннымъ, какъ могли произведенія такого обширнаго размѣра удерживаться въ памяти, тотъ пусть вспомнитъ о Русскихъ духовныхъ стихахъ, такихъ напр. каковы объ Алексіѣ Божіемъ человѣкѣ, о Георгіи, о Горѣ злосчастіи, или же о Сербскихъ пѣсняхъ про женитьбу Ивы Черноевича, про Иву Сеньянина, про царицу Милицу. Величиной они не уступаютъ Слову о полку Игоревѣ, и однако задерживаются въ памяти народной дословно. Сказки, даже и очень большія, повторяются однимъ и тѣмъ раскащикомъ также почти дословно.

Задонщина — подражаніе Слову о полку Игоревѣ; но исключительно ли ему одному? Пріемы того и другаго слова въ изложеніи и слогѣ не были ли общею особенностью цѣлаго рода такихъ поэмъ? И памятники нашей древней и старинной письменности, и произведенія народной устной словесности отличаются однѣ отъ другихъ по родамъ своими особенными пріемами изложенія и слога. Въ иныхъ представляется смѣшеніе пріемовъ, — и оно невольно кидается въ глаза тѣмъ болѣе, чѣмъ ярче отличія пріемовъ. Ярки не менѣе другихъ, если не болѣе, и отличія въ изложеніи и въ слогѣ Слова о полку Игоревѣ: ихъ замѣтишь, гдѣ бы онѣ ни попались; а замѣтя, невольно вспомнишь объ этомъ словѣ, потому что ничто другое не напоминаетъ о нихъ такъ рѣзко. Изъ этого однако не слѣдуетъ, что ему одному они и могли принадлежать. Самая яркость ихъ въ немъ, мнѣ кажется, доказываетъ, что онѣ появились не въ немъ первомъ, что въ немъ онѣ достигли полноты уже въ слѣдствіе развившагося пристрастія къ нимъ. Ихъ же замѣтили и въ произведеніяхъ

тоже древнихъ только въ отрывочномъ видѣ; ихъ же замѣтили и въ произведеніяхъ народной устной словесности, повторяемыхъ доселѣ, — замѣтили въ томъ, что уже никакъ нельзя было поставить въ рядъ подражаній Слову о полку Игоревѣ: это еще положительнѣе доказываетъ, что особенности, напоминающія это слово, были въ ходу и безъ его вліянія *). Въ Задонщинѣ кое-что кажется дословно взятымъ

*) Припомню для образца хоть нѣсколько мѣстъ изъ лѣтописей. Въ нихъ разсѣяно множество выраженій отрывочныхъ, напоминающихъ особенности Слова о полку Игоревѣ, такихъ какъ наприм. «кую похвальную память мою вижю, яко младая моя память желѣзомъ погыбаетъ, и тонкое мое тѣло увядаеть». (Лавр. л. 129), Троиц. 224.) — или: «и бѣ видити слезы его лежячи на скраню его, яко жемчюжная зерна» (Ипат. л. 95). — или: изыдоста слезныма очима и ослабленомъ лицемъ. и лижюща уста своя, яко неимѣюща власти княженія своего (Ипат. л. 175), — или «уже бо солнце наше зайде ны и во обидѣ всѣмъ остахомъ (Ипат. л. 121 и 220). Кромѣ такихъ отрывочныхъ выраженій есть мѣста довольно цѣльныя; напр.:

«Начнемъ же сказати безчисленныя рати и великыя труды, и частыя войны, и многія крамолы, и частая возстанія, и многія мятежи (Ипат. л. 166. Срав. тамъ же: Скажемъ многій мятежъ, великія льсти, безчисленыя рати. 170).

«Бывши нощи бысть тьма, молонья и громъ и дождь. И бысть сѣча сильна. Яко просвѣтяше молонья, блещашеться оружье. И бѣ гроза велика, и сѣча страшна и сильна» (Лавр. 64).

«Аще ли внѣ града еси, на конѣ ѣздя съ дружиною своею. и уподобляшеся (ты) льву страшну, дружина жь твоя ако медвѣди и волци. или яко подобишися орлу летающу подъ облакомъ, дружина жь твоя аки ястребы и никтожь можетъ одолѣти тя» (Ник. II, 172).

«Давидъ иде въ Половци усрѣте и Бонякъ, и воротися Давидъ, и поидоста на Угры... Сташа ночлѣгу. И яко бысть полунощи, и вставъ Бонякъ отъѣха отъ вои, и поча выти волчьскы. И волкъ отвыся ему, и начаша волци выти мнози. Бонякъ повѣда Давидови, яко побѣда ны есть на Угры за утра. И наутріе Бонякъ исполчи воѣ своѣ: и бысть Давыдовъ вой 100, а у самого 300... Угри же исполчишася на заступы, бѣ бо Угръ числомъ 100 тысящь... и сбиша Угры акы въ мячь, яко се соколъ сбиваетъ галицѣ (Лавр. 115).

изъ Слова о полку Игоревѣ; но такое дословное сходство находимъ и между произведеніями другихъ родовъ (житіями святыхъ, духовными стихами, историческими повѣстями, сказками, былинами, думами, пѣснями), — и оно однако въ нихъ ничѣмъ не смущаетъ насъ; вмѣстѣ съ этимъ въ Задонщинѣ находимъ многое такое, что хоть и такъ же сложено, но по содержанію и по выраженіямъ отлично отъ Слова о полку Игоря. Откуда же взято это? Въ повѣстяхъ и сказаніяхъ о Мамаевомъ побоищѣ есть также мѣста, отличающіяся отъ всего

«Выйде Филя древле прегордый, надѣяся объяти землю, потребити море со многимы Угры. Рекшю ему: единъ камень много горньцевъ избиваетъ, а другое слово ему рекшю прегордо: острыи мечю, борзый коню, многая Руси. Богу же того не терпящю, во ино время убьенъ бысть Даниломъ Романовичемъ древле прегордый Филя» (Ипат. л. 162).

«Преставися князь Өеодоръ... и еще младъ, и кто не пожалуетъ его. Свадба пристроена, меды изварены, невѣста приведена, князи позвани, и бысть въ веселія мѣсто плачь и сѣтованіе». (Новг. I. 49. Троиц. 220.)

«Приде Батый Кыеву въ силѣ тяжьцѣ... И бѣ Батый у города, и отроци его обсѣдяху градъ, и не бѣ слышати отъ гласа скрипанія телѣгъ его, множества ревѣнія вельблудъ его, и рьжанія отъ гласа стадъ конь его. и бѣ исполнена земля Русская ратныхъ... Постави же Батый пороки городу подлѣ вратъ Лядьскыхъ. ту бо бѣаху пришли дебри. Порокомъ же беспрестани бьющимъ день и нощь, выбиша стѣны. И возійдоша горожаны на избыть стѣны. И ту бѣаше видити ломъ копѣйныи и щитъ скепанія. Стрѣлы омрачиша свѣтъ побѣжденнымъ.. и взидоша Татары на стѣны... (Ипат. 177—177).

«Слышавъ Костянтинъ Андрея грядуща нань, избѣже нощью. Андрей же не удоси его, но удоси владыку, и слуги его разграби гордые, и тулы ихъ бобровые роздра, и прилбицѣ ихъ волъчье и борсуковые роздраны быша. Словутьного пѣвца Митусу, древле за гордость не восхотѣвша служити князю Данилу, раздраного акы связаного приведоша. (Ипат. л. 180).

«Не дошедшимъ воемъ рѣкы Сяну, сосѣдшимъ же на поли вооружитъся. и бывшу знаменію надъ полкомъ сице: пришедшимъ

ихъ окружающаго такими же точно пріемами, то пріемами изложенія и слога вмѣстѣ, то только пріемами изложенія, и между ними есть такія, какихъ нѣтъ ни въ Словѣ о полку Игоревѣ, ни въ Словѣ о Задонщинѣ (Прил. II). Эти мѣста — очевидныя вставки, и доказываютъ, съ одной стороны, что онѣ нравились, съ другой, что былъ источникъ, изъ котораго ихъ можно было почерпать. Что же это за источникъ? И для этого, какъ для всего другаго подобнаго, источникъ одинъ и тотъ же: поэмы въ родѣ Слова о полку Игоря, ихъ духъ, ихъ мысль.

орломъ и многимъ ворономъ, яко оболоку велику, играющимъ же птицамъ, орломъ же клекъщущимъ и плавающимъ крилома своима и воспрометающимся на воздусѣ, яко же никогда же и николи же не бѣ. И се знаменіе не на добро бысть. (Ипат. л. 183).

«Воемъ всимъ съсѣдшимъ, и вооружьшимъся Нѣмьцемъ изо стана, щитѣ же ихъ яко зоря бѣ, шоломы же ихъ яко солнцю восходящю, копіемъ же ихъ дрьжащимъ въ рукахъ яко трсти мнози, стрѣлцемъ же обаполъ идущимъ и держащимъ въ рукахъ рожанци своя, и наложившимъ на нѣ стрѣлы своя противу ратнымъ, Данилови же на конѣ сѣдящу и воѣ рядящу, и рѣша Прузи Ятвяземъ: Можете ли древо поддрьжати сулицами и на сію рать дерьзнути? Они же видѣвше и возвратишася во свояси». (Ипат. л. 186).

«Устремилъ бо ся бяше (Романъ) на поганыя яко и левъ. Сердитъ же бысть яко и рысь, и губяше яко и коркодилъ, и прехожаше землю ихъ яко и орелъ. Храборъ бо бѣ яко и туръ. Ревноваше бо дѣду своему Мономаху, и гнавшу отрока во Обезы за Желѣзная врата». Вспомнивъ о Мономахѣ то, о чемъ въ другихъ сказаніяхъ о немъ нѣтъ помину, лѣтописецъ вспоминаетъ, какъ явился потомъ въ поляхъ Половецкихъ тотъ Кончакъ, который долго оставался страшнымъ врагомъ всей Руси. Загналъ Мономахъ отрока въ Обезы за Желѣзныя врата. «Сърчанови же оставшю у Дону, рыбою оживщю, тогда Володимеръ Мономахъ пилъ золотомъ шоломомъ Донъ, пріемши землю ихъ всю. По смерти же Володимерѣ, оставшю у Сырьчана единому гудьцю же Ореви, посла и во Обезы, река: «Володимеръ умерлъ есть; а воротися, брате, пойди въ землю свою. Молви же ему моя словеса, пой же ему пѣсни Половецкыя. Оже ти не восхочеть, дай ему поухати зелья, именемъ евшанъ». Не захотѣлъ братъ Сърчана «обратитися ни по-

Гдѣ же эти поэмы? Ихъ нѣтъ пока на лицо въ ихъ подлинномъ видѣ. Это однако не значитъ, что ихъ никогда и не было: нѣтъ уже многаго, что прежде было. Ихъ нѣтъ; но есть то, что наводитъ на мысль о нихъ; есть частички ихъ такой же цѣнности, какъ частички пѣсенъ Баяна въ Словѣ о полку Игоревѣ*): пока довольно и этого. Эти частички, мнѣ кажется,

---

слушати. И дасть (гудець Орь) ему зелье. Оному же обухавшю и восплакавшю, рече, да луче есть на своей землѣ костью лечи, нежли на чюжѣ славну быти. И приде во свою землю. Отъ него родившюся Концаку, иже снесе Сулу, пѣшь ходя, котелъ нося на плечеву. (Ипат. л. 155).

Лѣтописцы наши едва ли понимали поэзію языка такъ, какъ понималъ народъ, всего менѣе, кажется, тѣ изъ нихъ, которые любили одѣвать выраженія въ парадную форму дательнаго самостоятельнаго. Многія прекрасныя мѣста ихъ разсказовъ утратили свою простую красоту подъ этой формой. Чтобы понять ихъ вполнѣ надобно ее сбросить съ нихъ. Такъ и въ нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ мѣстъ стоитъ замѣнить дательный-самостоятельный изъявительнымъ наклоненіемъ, — и образъ разомъ просвѣтлѣетъ. Въ этомъ новомъ видѣ, въ немъ уже не трудно будетъ увидѣть ту же особенность изложенія, которая поражаетъ въ Словѣ о полку Игоря.

Есть подобныя мѣста и въ другихъ памятникахъ. Еще болѣе въ произведеніяхъ народной словесности, какъ было уже замѣчено многими, и прежде другихъ М. А. Максимовичемъ.

*) «Пѣти было пѣснь Игореви того (Олга) внуку» — восклицаетъ пѣвецъ Игоревъ, и за тѣмъ припоминаетъ четыре парныхъ стиха изъ пѣсни:

«Не буря соколы занесе
чрезъ поля широкая:
галичи стады бѣжать
къ Дону великому.»

Непосредственно за тѣмъ опять восклицаніе: «Чили вспѣти было, вѣщей Бояне, Велесовъ внуче?» — и опять пѣсня особеннаго склада:

Комони ржутъ за Сулою,
звѣнить слава въ Кыевѣ,
трубы трубятъ въ Новѣградѣ.
Стоять стязи въ Путивлѣ....»

скрываются и въ Словѣ о Задонщинѣ. Оно — подражаніе Слову о полку Игоря, но не ему одному исключительно, а вообще тому роду поэмъ, къ которому принадлежало и это слово; оно — одно изъ проявленій того же поэтическаго одушевленія, которымъ проникнутъ былъ и слагатель Слова о полку Игоревѣ.

Что эти поэмы были, что ихъ надобно искать, это доказывается самимъ Словомъ о полку Игоревѣ:

— «Страны ради, гради весели, *пѣвше пѣснь* старымъ княземъ, а потомъ молодымъ. Пѣти слава Игорю Святъславичу, буйтуру Всеволодѣ, Владимиру Игоревичу, побарая за христьяны на поганыя плъкы. Княземъ слава *и* дружинѣ. Аминь».

Что эти поэмы были, свидѣтельствуютъ о томъ и тѣ поэмы современныя Русскаго народа, былины Великоруссовъ и думы Малоруссовъ, которыя по складу (впрочемъ не по языку), отчасти и по содержанію относятся къ отдаленному прошедшему времени. Сами по себѣ они, конечно, не подлинные остатки древности, а только снимки съ нихъ, переиначенные постепенно преданіемъ, и кромѣ того подражанія имъ; но чтобы могли быть снимки и подражанія, должны были существовать и подлинники. Очень естественно, что бо̀льшая часть подлинниковъ и первичныхъ снимковъ погибла, не сохранившись и на письмѣ, не только въ памяти; очень естественно, что и въ памяти народной различные роды древнихъ пѣсно-

---

Въ концѣ Слова еще приведено два стиха Баяна:

«(О)хоти тяжко ти головы кромѣ плечю;
Зло ти тѣлу кромѣ головы.»

Очень можетъ быть, что и многое другое въ Словѣ взято изъ пѣсенъ Баяна, только безъ оговорки. Почему же только изъ Баяновыхъ пѣсенъ, а и не изъ другихъ подобныхъ?

пѣній смѣшались въ одно, а нѣкоторые утратились; но и въ томъ, что сохранилось случайно, можно еще отличить кое-что такое, что было и въ древности. Такъ былины и думы воспоминають о минувшихъ событіяхъ разсказомъ; пѣсни (историческаго содержанія) намеками припоминаютъ событія и лица, а нѣкоторыя даже и пересказываютъ кое-какія подробности; иныя же пѣсни — только славятъ: эти славленья, занявшія теперь мѣсто между святочными пѣснями, конечно, принадлежатъ по происхожденію вѣкамъ отдаленнымъ.

Слава Богу вышнему на небѣ. Слава!
Государю нашему на всей земли. Слава!
Чтобы нашему государю нестарѣться. Слава!
Его цвѣтному платью неизнашиваться. Слава!
Его добрымъ конямъ неизъѣзживаться. Слава!
Его вѣрнымъ слугамъ неизмѣниваться. Слава!
Его думнымъ боярамъ въ одно стоять. Слава!

Что эпическія поэмы были у нашихъ предковъ, это доказывается и тѣмъ, что онѣ были у соплеменниковъ нашихъ. Вспомнимъ здѣсь хоть о древнѣйшей изъ нихъ — о пѣснѣ про судъ Любуши, относящейся по событію къ VII вѣку, и сохранившейся въ спискѣ VIII—X вѣка.

Что нѣкоторыя изъ эпическихъ пѣснопѣній древности нашей назывались *словами*, это доказывается не только двумя доселѣ найденными нашими поэмами, и употребленіемъ слова *слово* въ значеніи поэтическомъ у насъ и у другихъ Славянъ, но и сравненіемъ съ обычаемъ другихъ народовъ. Такъ въ древнемъ Скандинавскомъ бытѣ находимъ quida (= Швед. qvaeda, Дат. qvad) — слово (quedha, говорить = Швед. quoeda, Дат. qvoede, Готѳ. qvithan, Древ Нѣм. quedan = qhuedan) съ значеніемъ особеннаго рода поэмы. Такихъ словъ, квидъ, есть нѣсколько въ древней Эддѣ: Vegtamsquida, Hy-

misquida, Thrymsquida, Helgasquida, Sigurdarquida, Brynhildarquida, Gudrunarquida, — слово о Вегтамѣ, слово о Гимирѣ, слово о Ѳримѣ, слово объ Ольгѣ и пр. Въ Древ.-Французскомъ слова dit, dite, ditie—слово (dire и disier—говорить) тоже употреблялись какъ техническія названія поэмъ.... Такихъ указаній можно найдти много.

Гораздо труднѣе ожидать случаевъ найдти списки нашихъ древнихъ поэтическихъ словъ.... но авось. Еще громады сборниковъ лежатъ у насъ нетронутыми. Не изъ чего отказываться отъ надежды встрѣтить въ нихъ и такія слова, каковы о полку Игоревѣ и о Задонщинѣ. Вѣдь наши предки знали: «что ся дѣютъ по веременемъ, то отъидетъ по веременемъ; а любо грамотою ѹтвьрдять, ино то бѹдеть всѣмъ вѣдомо, и ли кто послѣ живьıи останеться». Они знали это и записывали многое для памяти. Наши же находки въ ихъ писаніяхъ были пока случайны.... Отвергать какъ несуществующее то, что неизвѣстно, запрещаютъ самые строгіе законы критики.

ЗАДОНЩИНА

ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ГОСПОДИНА ДИМИТРІЯ ИВАНОВИЧА И БРАТА ЕГО КНЯЗЯ ВОЛОДИМЕРА ОНДРѢЕВИЧА.

I. Пойдемъ, братіе, въ полѹночнѹю странѹ, жребій Афетовъ [1]), сына Ноева, отъ него же родися Рѹсь преславная. отъ толѣ взыдемъна горы Кіевскыя — и посмотримъ съ ровнаго Нѣпра по всей земли Рѹской. и отъ толя на восточнѹю странѹ, жребій Симовъ, сына Ноева, отъ него же родi*шася* [2]) Хиновя, поганые Татаровя, Бѹсѹрмановя. Тѣ бо на Каялѣ одолѣша родъ Афетовъ. И отъ толя Рѹская земля сѣдитъ невесела, а отъ Калатьскія рати до Мамаева побоища тугою и печалію покрылася, плачющися, чады своя поминающи [3]). Князи и бояря и удалые люди, иже оставиша вся домы своя, и богатство, жены, и дѣти, и скотъ, честь и славѹ міра сего полѹчивши, главы своя положиша за землю за Рѹскѹю и за вѣрѹ христіяньскѹю....

---

[1]) Въ подл.: *у* вмѣсто *ъ*.

[2]) Въ подл.: родися.

[3]) Въ подл.: поминаюты.

II. Снидемся, братія и дрꙋзи, и сынове Рꙋскіи, составимъ слово къ словꙋ, возвеселимъ Рꙋскꙋю землю, возверземъ печаль на восточнꙋю странꙋ, въ Симовъ жребій, и воздадимъ поганомꙋ Мамаю побѣдꙋ, а великомꙋ князю Дмитрею Ивановичю похвалꙋ и братꙋ его князю Владимерꙋ Андреевичю. И рцемъ таково слово: Лудчи бо намъ, братіе [1]), начати повѣдати иными словесы отъ похвальныхъ сихъ и о нынѣшнихъ повѣстехъ похвалꙋ великого князя Дмитрея Ивановича и брата его князя Владимера Андреевича. а внꙋки святаго великаго князя Владимера Кіевскаго. начати [2]) повѣдати по дѣломъ и по былинамъ. Не проразимся мыслію, но землями помянемъ первыхъ лѣтъ времена — восхвалимъ [3]) вѣщаго Бояна [4]), въ городѣ Кіевѣ горазда [5]) гꙋдца. Той бо вѣщій Боянъ, воскладая свои златыя персты на живыя стрꙋны, пояше славꙋ Рꙋсскыимъ княземъ, первомꙋ князю Рюрикꙋ, Игорю Рюриковичю и Святославꙋ, Яро-полкꙋ, Владимерꙋ Свято-славичю [6]), Ярославꙋ Володимеровичю, восхваляя ихъ пѣсьми и гꙋслеными бꙋйными словесы. — Азъ же восхвалю пѣснеми (и) гꙋслеными словесы — (господи) на Рꙋсскаго, господина князя Дмитрія Ивановича и брата его князя Володимера Ондреевича, занеже ихъ было мꙋжество и желаніе за землю Рꙋскꙋю и за вѣрꙋ христіаньскꙋю [7]).

---

[1]) Въ подл.: брате.

[2]) Въ подл.: начаша ти.

[3]) Въ подл.: первѣе всѣхъ вшедъ, восхалимъ.

[4]) Въ подл.: вѣщаго *го*бояна. Очевидно, что *го* повторено по опискѣ.

[5]) Въ подл.: гораздо.

[6]) Въ подл.: Святославу Яро—славичю: писецъ, очевидно, пропустилъ цѣлую строку: я дополнилъ ее по смыслу. Срав. въ сп. Унд.

[7]) Въ подл. еще прибавлено: отъ тоя рати и до Мамаева побоища.

Се бо [1]) князь великыи Дмитрій Ивановичь и братъ его князь Володимеръ Ондрѣевичь поостриша сердца свои мужеству, ставше своею крѣпостью, помянувше прадѣда князя Володимера Кіевскаго, царя Рускаго.

III. Оле жаваронокъ птица, въ красныя дни утѣха. взыди подъ синіе облакы,—посмотри къ сильному граду Москвѣ,—пой славу великому князю Дмитрію Ивановичю и брату его Володимеру Ондрѣевичю. Они бо взнялися какъ соколи со земли Русскыя на поля Половецкія [2]). Кони ржутъ на Москвѣ, бубны бьютъ на Коломнѣ, трубы трубятъ въ Серпуховѣ; звенитъ слава по всеи земли Руськои. Чюдно стязи стоять у Дону великаго, пашутся хоругови [3]) берчати, свѣтятся калантыри злачены [4]). Звонятъ колоколи вѣчніи въ великомъ въ Новѣгородѣ. стоятъ мужи Новгородци у святыя Софіи, а рkучи такову жалобу: Уже намъ, братіе [5]), къ великому князю Дмитрею Ивановичю на пособь не поспѣти. Тогды аки орли слѣтошася со всея полуношныя страны: то ти не орли слѣтошася—выѣхали посадники изъ великаго Новагорода, 7000 войска, къ великому князю Дмитрею Ивановичю и къ брату его князю Владимеру Андреевичю.—Съѣхалися всѣ князи Руськыя къ великому князю Дмитрію Ивановичю

Въ спискѣ: Унд. А отъ Калатьскіе рати до Мамаева побоища 170 лѣтъ. Вѣроятно эта приписка вставлена въ текстъ съ поля.

[1]) Въ подл.: азъ, и во все не кстати; въ спискѣ Унд. правильнѣе: бо.

[2]) Въ подл.: Половетция.

[3]) Въ подл.: хоригови.

[4]) Въ подл.: каланты ризачены.

[5]) Въ подл.: брате.

на пособь, а ркꙋчи такъ: Господине князь великыи. Ꙋже погании Татарове на поля на наши настꙋпають, а вотчинꙋ нашю ꙋ насъ отнимають. Стоятъ межю Дономъ и Днѣпромъ на рѣцѣ на Мечѣ [1]). И мы, господине, поидемъ за быстрꙋю рѣкꙋ Донъ. Ꙋкꙋпимъ землямъ диво, старымъ повѣсть, а младымъ память. Тако рече князь великыи Дмитріе Ивановичь своеи братіи Рꙋсскимъ княземъ: Братьеца моя милая, Рꙋсскіе князи. гнѣздо есмя были едино князя великаго Ивана Данильевича. Досюды есмя были, братіе [2]), никꙋды не изобижены, ни соколꙋ, ни ястребꙋ, ни бѣлу кречатꙋ, ни томꙋ псꙋ поганомꙋ Мамаю.

IV. Славій птица, что бы еси выщекотала сія два брата, два сына Вольярдовы, Андрѣя Полотскаго [3]), Дмитріа Брянскаго. Ти бо бѣша [4]) въ сторожевыя полкы на щитѣ рожены, подъ трꙋбами повити [5]), подъ шеломы възлелѣяны, конець копія вскормлены, съ востраго меча поены, въ Литовской земли. Молвяше Андрѣи къ своемꙋ братꙋ Дмитрею: Сама есма два брата, дѣти Вольярдовы, внꙋчата 'Едиментовы, правнꙋчата Скольдимеровы. Сядемъ, брате, на свои борзи комони. испіемъ, брате, шеломомъ своимъ воды быстрого Донꙋ, испытаемъ мечи свои бꙋлатныя. — И рече емꙋ Дмитрей: Брате Андрей. непощадимъ живота своего за землю за Рꙋскꙋю и за вѣрꙋ христіянскꙋю и за обидꙋ великого князя Дмитрея Ивановича —. Ꙋже

---

1) Въ подл.: на рицѣ на Чечѣ.
2) Въ подл.: брате.
3) Въ подл.: Половетцаго.
4) Въ подл.: бяше.
5) Въ подл.: поютъ. Ср. въ Сл. о полку Игоря.

бо, брате, стукъ ст8чить и громъ грѣмить въ славнѣ городѣ Москвѣ. То ти, брате, не ст8къ ст8чить, ни громъ гремить; ст8чить силная рать великого князя Дмитрія Ивановича [1]) — и брата его князя Владимера Андреевича, — гремятъ 8далци золочеными шеломы, черлеными щиты. Сѣдлай, брате Ондрей, свои борзыи [2]) комони, а мои готови, на преди твоихъ осѣдлани. — Выѣдемъ, брате, въ чистое поле, и посмотримъ своихъ полковъ, сколько съ нами храбрые Литвы. а храбрые Литвы съ нами 7000 окованые рати.

V. Уже бо всташа сильнiи вѣтри съ моря, прилелѣяша т8чю велик8 на 8сть Нѣпра, на Р8сск8ю землю. изъ т8чи выст8пиша [3]) кровавыя облока, а изъ нихъ паш8ть синiе молньи. Быти ст8к8 и гром8 велик8 межю Доноmь и Нѣпромь — пасти тр8п8 человѣческом8 на полѣ К8ликовѣ, пролитися крови на рѣчкѣ Напрядѣ. Уже бо скрипѣли телѣги меж8 Доножъ и Нѣпромъ. — Идеть Хинова [4]) на Р8сск8ю землю. Сѣрiе волци воють — на рѣкѣ хотятъ на Мечи пост8пити въ Р8ск8ю землю. — То ти были не сѣрiе волци. придоша поганые Татарове. хотятъ проити воюючи [5]), взяти всю землю Р8сск8ю. Тогда же г8си гоготаша [6]) и лебеди крилы въсплескаша. Се бо поганыи Мамай, приведе вои свои на Р8сь. Птици небесныя пас8щеся т8 [7]) подъ синiе оболо-

[1]) Въ подл. по опискѣ: Ивана Дмитрiевича.
[2]) Въ подл.: борчи.
[3]) Въ подл.: выступи.
[4]) Въ подл.: хинела.
[5]) Въ подл.: воючи.
[6]) Въ подл.: гоготаше.
[7]) Въ подл.: то.

ка — летять —. ворони грають, галици свои рѣчи говорять, орли восклегчють, волци грозно воють, лисици часто брешють, чають побѣдꙋ на поганыхъ, а ркꙋчи такъ: Земля еси Рꙋсская. какъ еси была доселева за царемъ за Соломономъ, такъ бꙋди и нынѣча за княземь великимъ Дмитріемъ Ивановичемъ. Тогда же соколи и кречати Бѣлозерскіе ястреби — отъ златыхъ колодицъ изъ камена града Москвы возлетѣша подъ синіе небеса — позвонять своими злачеными колоколци.

VI. Уже бо стꙋкъ стꙋчить и громъ гремить рано предъ зорею. То ти не стꙋкъ стꙋчить, ни громъ гремить: князь Володимеръ Ондрѣевичь — полки перебираеть и — ведеть вои свои, сторожевыя полкы къ быстромꙋ Донꙋ, а ркꙋчи такъ: Господине князь Дмитрей, не ослабляи. Ꙋже, господине, поганыя Татарове на поля на наши настꙋпають, а вои наши отнимають. Тогда же князь великыи Дмитрей Ивановичь стꙋпи въ свое златое стремя, всѣдъ на свои борзыи конь, пріимая копіе въ правꙋю рꙋкꙋ — и помолися Богꙋ и Пречистой его Матери. — Солнце ему на встоцѣ [1]) ясно свѣтить, пꙋть ему повѣдаеть. Борисъ, Глѣбъ молитвꙋ творять за сродники свои.

VII. Тогда соколи и кречети, Бѣлозерскія ястреби борзо за Донъ перелетѣша. Ꙋдариша на гꙋси и лебеди. Грянуша копія харалꙋжныя, мечи бꙋлатныя, топори легкія, щиты Московьскыя, шеломы Нѣмецкія, байданы [2]) бесерменьскыя. Тогда поля костьми насѣяны,

---

[1]) Тутъ неумѣстная вставка писца: Сентября 8 въ среду на Рожество пресвятыя Богородица.

[2]) Въ подл.: боданы.

кровьми поліяны [1]), бѣды [2]) возпиша. вѣсть подаваша порожнымъ землямъ за Волгꙋ, къ Желѣзнымъ вратомъ, къ Риму, до Черемисы, до Чаховъ, до Ляховъ, до Устюга, (до) поганыхъ Татаръ, за Дышꙋщеемъ моремъ. —

VIII. На томъ полѣ (Куликовѣ) сильныи тучи ступишася, а изъ нихъ часто сіяли молыньи, и загремѣли громы велиціи: то ти ступишася Рꙋскіе удальцы съ погаными Татарами за свою великую обиду. а въ нихъ сіяли сильные доспѣхи злаченые, а гремѣли князи Рꙋскіе мечьми булатными о шеломы Хиновскіе. А билися изъ утра до полудни въ суботу на Рожество Святѣй Богородици.

IX. То года же было лѣпо [3]) старꙋ помолодитися. Хоробрый Пересвѣтъ поскакиваетъ на своемъ вѣщемъ сивцѣ. свистомъ поля перегороди, а ркꙋчи таково слово: Лꙋчши бы есмя сами на свои мечи навергли̇ся, нежели намъ отъ поганыхъ положенымъ пасти. И рече Ослебя братꙋ своемꙋ Пересвѣтꙋ: Ꙋже брате, вижю раны на сердци твоемь тяжки. Уже твоеи главѣ пасти на сырꙋю землю, на бѣлꙋю ковылꙋ моемꙋ чадꙋ Іяковꙋ.

X. Ꙋже, братіе [4]), — по Резанской землѣ около Донꙋ ни ратаи ни — пастꙋси не кличють, ни трꙋбы не трꙋбять. толко часто ворони граютъ, зогзици кокуютъ, на трꙋпы падаючи. Тогда же не тꙋри возрыкаютъ на полѣ Кꙋликовѣ, на рѣчкѣ Непрядкѣ: взопиша [5])

---

[1]) Въ подл.: поліано.

[2]) Въ подл.: воды.

[3]) Въ подл.: *не*лѣпо; но въ Унд. спискѣ надо, въ Мам. поб. лѣпо.

[4]) Въ подл.: брате.

[5]) Въ подл.: взопаша.

избіеніи отъ поганыхъ. (Помянемъ) князій великыхъ и болярь сановныхъ, князя Феодора Романовича Бѣлозерскаго и сына его князя Ивана, Микѹлѹ Васильевича... (Падоша) Феодоръ, Мешко [1]), Иванъ Сано, Михаило Вренковъ, Іаковъ Ослебятинъ, Пересвѣтъ чернецъ и иная многа дрѹжина.

XI. Тогда же восплакашася горко жены болярыни по своихъ осподарѣхъ въ краснѣ градѣ Москвѣ. Восплачется жена Микѹлина Марія, а рkѹчи таково слово: Доне, Доне, быстрыи Доне. прошелъ еси землю Половецкую, пробилъ еси береги [2]) харалоужныя. прилелѣи моего Микѹлѹ Васильевича. Восплачется жена Иванова Феодосія: Ѹже наша слава пониче въ славнѣ городѣ Москвѣ. Не одина мати чада изостала, и жены болярскыя мѹжеи своихъ и оспадаревъ остали, глаголюще къ себѣ: Ѹже, сестрици наши, мѹжеи нашихъ въ животѣ нѣтѹ: покладоша головы свои ѹ быстрого Донѹ за Рѹсскѹю землю, за святыя церкви, за православнѹю вѣрѹ, съ дивными ѹдальцы, съ мѹжескыми сыны.

XII. Того же дни въ суботу на Рождество Святыя Богородицы иссѣкоша [3]) христіани поганые полки на полѣ Куликовѣ, на рѣкѣ Напрядѣ. И нюкнувъ князь великій Владимеръ Андреевичь гораздо, и скакаше во полцѣхъ поганыхъ въ Татарскихъ, а злаченымъ тымъ шеломомъ посвѣчиваетъ, а скакаше [4]) со всѣмъ своимъ войскимъ. и загремѣли мечьми

---

[1]) Въ подл.: Мемко.
[2]) Въ подл.: березп.
[3]) Въ подл.: иссѣкша
[4]) Въ подл.: скакапа.

булатными о шеломы Хиновскіе. И восхвалитъ брата своего великаго князя Дмитрея Ивановича: Брате Дмитрей Ивановичь, туто у....шна времени.... а забрала не оставай, и свои полки понужай коромольщикамъ. уже бо поганые Татары поля наступаютъ, и храбрую дружину у насъ истеряли, а въ трупи человѣчьѣ борзи кони не могутъ скочити, а въ крови по колѣно бродять, а уже бо, братье, жалостно видѣти кровь крестьянская. И князь великій Дмитрей Ивановичь рече своимъ боярамъ: Братія бояра и воеводы и дѣти боярскіе. то ти ваши Московскіе сладкіе меды и великіе мѣста. туто добудете себѣ мѣста и своимъ женамъ. туто, брате стару помолодѣть, а молодому чести добыть. И рече князь великій Дмитрей Ивановичь: Господи Боже мой! на тя уповахъ да непостыжуся въ вѣкъ, ни да посмѣютъ ми ся враги моя мнѣ. И помолися Богу и Пречистой Его Матери и всѣмъ Святымъ Его, и прослезися горько, и утеръ слезы. И тогда аки соколи борзо полетѣли. И поскакиваетъ князь великій Дмитрей Ивановичь съ своими полками и со всею силою. И рече: Брате, князь Владимеръ Андреевичь. тутъ, брате, испити медвяна чара. наѣждяемъ, брате, своими полки сильными на рать Татаръ поганыхъ.

XIII. Тогда великій князь наступаетъ на рать силу Татарскую. и гремятъ мечи булатные о шеломы Хиновскіе, и поганые бусурманы покрыша главы своя руками своими. тогда поганые борзо вся отступиша. И отъ великаго князя Дмитрея Ивановича стязи ревутъ, а поганые бѣжатъ, а Рускіе князи и бояры и воеводы и все великое войско широкіе поля кликомъ огородиша, и злачеными доспѣхами освѣтиша. Уже бо ста туръ на боронь: тогда князь великій Дмитрей Ивановичь и братъ его князь Владимеръ Андреевичь полки

поганыхъ вспять поворотили. И нача ихъ бусормановъ бити и сѣчи горазно безъ милости. и князи ихъ падоша. съ коней загремѣли. а трупьми Татарскими поля насѣяша, и кровію ихъ рѣки протекли. Туто поганые разлучишася розно, и побѣгше неуготованными дорогами въ лукоморье, скрегчюще зубами своими, дърущи [1]) лица своя, а ркуще такъ: Уже намъ, братіе [2]) въ земли своей не бывать и дѣтей своихъ не видать, а въ Русь ратью намъ не хаживать, и выхода намъ у Рускихъ людей непрашивать. Ѹже бо востона земля Татарская; бѣдами и тугою покрыша бо сердца ихъ хотеніе княземъ и похвала Руской земли.. ходити [3]). Уже бо веселіе наше пониче. уже бо Рускіе сынове разграбиша Татарскія узорочья, и доспѣхи, и кони, и волы, и верблуды, и вино, и сахаръ, и дорогое узорочіе. уже жены Рускіе восплескаша Татарскимъ златомъ.

XIV. Уже бо по Руской землѣ простреся веселіе и буйство. вознесеся слава Руская по всей земли. а на поганыхъ Татаръ злыхъ бусормановъ промчеся хула и пагуба. уже бо вержено диво на земли. и уже грозы великаго князя Дмитрея Ивановича и брата его князя Владимера Андреевича, по всѣмъ землямъ текутъ грозы. И князь великій своею храбростію и дружину Мамая поганаго побилъ за землю Рускую и за вѣру крещеную. уже поганые оружія своя повергоша на землю, а главы своя подклониша подъ мечи Рускіе. и трубы ихъ не трубятъ, и уныша гласи ихъ. И отскача поганый Мамай отъ своея дружины, сѣрымъ волкомъ взвылъ, и притече къ Хаѳестѣ граду [4]). Молвяше же ему Ѳрязовѣ: Чему ты, поганый

[1]) Въ подл.: доруши.
[2]) Въ подл.: брате.
[3]) Тутъ долженъ быть, кажется, пропускъ. Срав. въ Прил. II.
[4]) Не описка ли вмѣсто: къ Каѳестѣй земли?

Мамай, посягаешь на Рускую землю. то тя била орда Залѣская. А не бывати тебѣ въ Батыя царя. у Батыя царя было четыреста тысячь кованные рати, а воевалъ всю Рускую землю отъ востока и до запада. а казнилъ Богъ Рускую землю за своя согрѣшенія. И ты пришелъ на Рускую землю, царь Мамай, съ многими силами, съ девятью ордами и семидесятью князьями. а нынѣ ты поганый бѣжишь самъ-девятъ въ лукоморье. Не съ кѣмъ тебѣ зимы зимовати въ полѣ. не што тебя князи Рускіе горазно подчивали. Ни князей съ тобою ни воеводъ. не что гораздо упилися у быстраго Дону на полѣ Куликовѣ, на травѣ ковылѣ. Побѣжи ты, поганый Мамай отъ насъ, позаденешь и намъ отъ земли Руской. Уподобился еси милому младенцу у матери своей.

XV. Тако Господь Богъ помиловалъ князей Рускихъ, великаго князя Дмитрея Ивановича и брата его князя Владимера Андреевича межъ Дона и Нѣпра. И сталъ великій князь Дмитрей Ивановичь съ своимъ братомъ съ княземъ Владимеромъ Андреевичемъ и съ остальными своими воеводами на костѣхъ, на полѣ Куликовѣ на рѣчкѣ Напрядѣ. Грозно бо и жалостно, братіе [1]), въ то время посмотрѣти, иже лежатъ трупи крестьянскіе у Дона [2]) великаго на брезѣ, и Донъ рѣка три дни кровію текла. И рече князь великій Дмитрей Ивановичь: Считайтеся, братія, сколько у васъ воеводъ нѣтъ, и сколько молодыхъ людей нѣтъ. Тогды говоритъ стоя Михайло Александровичь, Московскій бояринъ, князю Дмитрею Ивановичю: Государь князь великій Дмитрей Ивановичь. нѣту, государь, у насъ сорока бояриновъ Московскихъ, двѣнадцати князей Бѣлозерскихъ, тридцати

[1]) Въ подл.: брате.

[2]) Въ подл.: Дуная.

Новгородскихъ посадниковъ, двадцати бояриновъ Коломенскихъ, сорока бояръ Серпуховскихъ, тридцати пановъ Литовскихъ, двадцати бояръ Переславскихъ, двадцати пяти бояръ Костромскихъ, тридцати пяти бояръ Володимеровскихъ, осми бояръ Суздальскихъ, сорока бояръ Муромскихъ, семидесяти бояръ Рязанскихъ, тридцати четырехъ бояриновъ Ростовскихъ, двадцати трехъ бояръ Дмитровскихъ, шестидесяти бояръ Можайскихъ, тридцати бояръ Звѣнигородскихъ, пятнадцати бояръ Углецкихъ. и посѣчено отъ безбожнаго Мамая полтретья ста тысечь и три тысячи. Слава Тебѣ, Господи Боже нашь, помиловалъ насъ. И рече князь великій Дмитрей Ивановичь: Братія бояра и князи и дѣти боярскіе. то вамъ сужено мѣсто межъ Дономъ и Нѣпромъ на полѣ Куликовѣ, на рѣчкѣ Напрядѣ и положили еста головы своя за святыя церкви, за землю Рускую, за вѣру крестьянскую. Простите мя братія и благословите. всѣмъ вѣнецъ въ будущемъ. И пойдемъ, брате, князь Владимеръ Андреевичь, во свою Залѣскую землю, къ славному граду Москвѣ, и сядемъ, брате, на своемъ княженіи. а чти есми, брате, добыли и славнаго имени. Богу нашему слава.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. Дополнительныя выписки изъ слова о Задонщинѣ по списку г. Ундольскаго.

I. Списокъ Унд. начинается такъ: Князь великій Дмитрей Ивановичь съ своимъ братомъ съ княземъ Владимеромъ Андреевичемъ и своими воеводами были на пиру у Микулы Васильевича. Вѣдомо, брате, у быстраго Дону царь Мамай пришелъ на Р8ск8ю землю, а идетъ къ намъ въ Залѣск8ю землю. Поидемъ (и т. д.).

Далѣе въ спискѣ Унд. вставка. «Прежде восписахъ жалость земли Р8скіе и прочее, отъ книгъ приводя, потомъ же списахъ жалость и похвал8 великом8 князю Дмитрію Ивановичю и брат8 его князю Владимер8 Ондреевичю.

Въ концѣ послѣ словъ «за вѣру христіаньск8ю» слѣдуетъ еще «собѣ бычаемъ пороженыхъ и вскормленыхъ».

II. Въ слѣдъ за мѣстомъ, внесеннымъ въ нашъ текстъ, изъ сп. Унд. слѣдуетъ въ немъ тоже, что есть и въ Кирил. спискѣ, но съ большими ошибками: — Похвалимъ вещан-

наго боярина горазна гудца въ Кіевѣ. Тотъ бояринъ воскладоша горазная своя персты на живыя струны, пояша Рускимъ княземъ славу, первому князю Кіевскому Игорю Бяриковичю и великому князю Владимеру Всеславьевичю Кіевскому и великому князю Ярославу Володимеровичю. Азъ же помяну Рязанца Софонія и восхвалю и пр. Конецъ этого возгласа не такой, какъ въ Кирил. спискѣ: — вмѣсто: «за не же ихъ было м8жество и пр., въ спискѣ Унд.: и пѣніе князем Рускимъ за вѣру христіанскую. Воспоминаніе о Рязанцѣ Софоніи мнѣ кажется такою же чисто книжною вставкой, какъ и выше приведенное объясненіе: «прежде вописахъ» и пр. Далѣе: — Се бо к. в. Д. И. и б. е. к. В. А. помолися Богу и пречистей Его матери, истезявше умъ свой крѣпкою крѣпостью, и поостриша сердца свои мужествомъ и наполнися ратнаго духа, уставиша себѣ храбрыя воеводы въ Руской землѣ, и помянуша прадѣда своего великаго князя Владимера Кіевскаго.

III. Вмѣсто: они бо взнялись и пр. въ спискѣ Унд.: Ци буря соколы снесетъ изъ земля Залѣскія въ поле Полотское.

Вмѣсто: «Тогды аки орлы слетѣшася» — «И какъ слово изговариваютъ, уже аки орли слетѣшась.»

Слово князей къ князю Дмитрію и брату его иначе: — а ркутъ таково слово: У Дуная стоятъ Татаровя поганые, и Мамай царь на рѣки на Мечи, межу Чюровымъ и Михаиловымъ брести хотятъ, и предати животъ свой нашей славѣ.

Иначе и слово в. к. Дмитрія: — И рекше князь Дмитрей Ивановичь: Брате князь Владимеръ Андреевичь, поѣдемъ тамо, укупимъ животу своему славы, а старымъ повѣсть, а молодымъ память, а храбрыхъ своихъ испытаемъ, а рѣку Донъ кровью прольемъ за землю Рускую и за вѣру крестьянскую. И рекше имъ князь великій Дмитрей Ивановичь: Братія и князи Руские, гнѣздо есмя были в. к. Владимера Кіевскаго, не въ обидѣ есми были по роженію

ни ястребу ни кречету ни черному ворону, ни поганому сему Мамаю.

IV. Въ спискѣ Унд.: О соловей, лѣтняя птица, чтобы ты, соловей, пощекоталъ славу в. к. Дмитрею Ивановичю и брату его князю Владимеру Андреевичю, и земли Литовской дву братомъ Олгордовичамъ, Андрею и брату его Дмитрею, да Дмитрею Волынскому. Тѣ бо суть сынове храбры кречаты въ ратномъ времени и вѣдомы полеводцы подъ трубами, подъ шеломы злачеными въ Литовской землѣ. Молвяше Андрей Олгордовичь своему брату: Брате Дмитрей, сами есмя себѣ два браты, сыны Олгордовы, а внуки мы Доментовы, а правнуки есми Сколомендовы. Зберемъ, брате, милые пановя, удалые Литвы, храбрыхъ удальцовъ, а сами сядемъ на добрые кони своя, и посмотримъ быстрого Дону, испытаемъ мечевъ своихъ Литовскихъ о шеломы Татарскіе, а сулицъ Нѣмецкихъ о боеданы бусорманскіе.

Середина слова князя Дмитрія нѣсколько иначе:—Уже бо брате стукъ стучить, а громъ гремитъ въ каменомъ градѣ Москвѣ: что, брате, стучитъ великая сильная рать в. к. Демитрея Ивановича и брата его князя Владимера Андреевича. Гремятъ удальцы Рускіе злачеными доспѣхи и черлеными щиты Московскими. Сѣдлай, брате Андрей, свой добрый конь, а мой готовъ осѣдланъ. Выѣдемъ, брате, и пр.

V. Уже бо, брате, (вѣтри) возвіяли по морю на усть Дону и Нѣпра, прилелѣяша (а не прилѣяша, какъ написано по ошибкѣ) тучи на Рускую землю, изъ нихъ же выступали кровавые зори, а въ нихъ трепещутся сильные молыньи. Быти стуку великому по рѣкѣ Напрядѣ межи Дономъ и Нѣпромъ, пасти трупу и пр.

А идуть Хиновѣ поганыя къ Русской земли. И притекоша сѣрые волцы отъ усть Дону и Нѣпра, и ставши воютъ, на рѣкѣ хотятъ на Мечи поступити въ Рускую землю. И то были не сѣрые волцы: пріидоша поганые Татаровя, хотятъ пройти воюючи всю Рускую землю. Тогда гуси воз-

гоготали и лебеди восплескаша крылами своими. Поганый Мамай пришелъ на Рускую землю, и воеводы своя привелъ. А уже бѣды ихъ пасоша, птици крылати подъ облакъ летятъ, вороны часто граютъ, а галицы своею рѣчею говорятъ, орли хлѣкчють, а волцы грозно воютъ, а лисицы на костѣхъ бряшуть. Руская земля, то первое еси какъ за царемъ за Соломономъ побывала.... то уже соколи Бѣлозерстіи и ястреби хваруются, отъ златыхъ колодицъ, и пр. Что именно пропущено здѣсь, въ томъ мѣстѣ, гдѣ поставлены точки, видно изъ списка Кирил.

То уже соколи.... возлетѣша подъ синее небеса, возгремѣша злачеными колоколы на быстромъ Дону. Въ слѣдъ за этимъ: — Тогда к. в. Дмитрей Ивановичь воступивъ во златое свое стремя, и埌 вземъ свой мечь въ правую руку, и помолися Богу и Пречистой Его Матери. Солнце ему на востокъ сіяетъ и путь повѣдаетъ, а Борисъ и Глѣбъ молитву воздаютъ за сродники своя. Мѣсто это въ Кирил. спискѣ въ ст. VI.

VI. Что шумитъ и что гремитъ рано передъ зорями. Князь Владимеръ Андреевичь полки перебираетъ и ведетъ къ великому Дону. И молвяше брату своему в. к. Дмитрею Ивановичю: Не ослабливай, брате, поганымъ Татаровямъ. Уже поганые поля Рускіе наступаютъ и вотчину отнимаютъ.

Слѣдующаго за симъ мѣста нѣтъ въ Кир. сп: — «И говоритъ ему к. в. Дмитрей Ивановичь: Брате Владимеръ Андреевичь. Сами есми, а внуки в. к. Владимера Кіевскаго, а воеводы у насъ уставлены отъ бояриновъ, и крѣпцы бысть князи Бѣлозерстіи Ѳедоръ Семеновичь да Семенъ Михаиловичь, да Микула Васильевичь, да два брата Олгордовичи, да Дмитрей Волынской, да Тимоѳей Волуевичь, да Андрей Серкизовичь, да Михаило Ивановичь. а вою съ нами триста тысящь окованые рати, а воеводы у насъ уставлены, а дружина свѣдана, а подъ собою имѣемъ добрые кони, а на себѣ злаченые доспѣхи, а шеломы Чер-

каскіе, а щиты Московскіе, а сулицы Нѣмецкіе, а кинжалы Ѳряскіе, а мечи булатные, но (вм. ино) еще хотятъ головы своя положить за землю Рускую и за вѣру крещеную». Вмѣсто этого въ Кирил. спискѣ: Тогда же к. в. Д. И. ступи въ своѐ златое стремя, что въ спискѣ Унд. находится въ концѣ ст. V.

VII. Пашутъ бо ся, аки живи, хоругови, ищутъ себѣ чести и славнаго имени. Уже бо тѣ соколы и кречаты за Донъ борзо перелетѣли, и ударилися о многіе стада лебединые. То ти наѣхали Рускіе князи на силу Татарскую, и удариша копье (вм. копьи) ѳараѳужными (вм. харалужными) о доспѣхи Татарскіе; возгремѣли мечи булатные о шеломы Хиновскіе на полѣ Куликовѣ, на рѣчкѣ Напрядѣ. Черна земля подъ копыты, а костьми Татарскими поля насѣяша, а кровью ихъ земля пролита бысть. А сильныи полки ступишася въ мѣсто, и протопташа холми и луги, и возмутишася рѣки, потоки, озера, и кликнули быша дивы въ Руской земли. А глава шибла къ Желѣзнымъ вратамъ, ли къ Ко Оранachи Криму, и х Саѳѣ (Кафѣ?) по морю и къ ко Торнову, а отголь къ Царюграду на хвалу Рускимъ князем. И одолѣша рать Татарскую на полѣ Куликовѣ на рѣчкѣ Напрядѣ. — Различіе этого мѣста въ двухъ спискахъ очень рѣзки: безъ помощи другихъ списковъ нѣтъ возможности разгадать, какъ разные куски сходились въ цѣлое; но по отношенію къ предъидущей статьѣ и по концу ея можно видѣть, что цѣлость въ немъ какая-нибудь была.

VIII. За этимъ въ спискѣ Унд. слѣдуетъ мѣсто, которое въ Кирил. спискѣ помѣщено ниже въ ст. X: Не тури возгремѣли у Дунаю великаго на полѣ Куликовѣ, и не тури побѣждени у Дунаю великаго; но посѣчени князи Рускіе и бояры и воеводы в. к. Дмитрея Ивановича, побѣждени князь Бѣлозерстіи отъ поганыхъ Татаръ: Ѳедоръ Семеновичь, да Семенъ Михаиловичь, да Тимоѳей Волуевичь, да

Андрей Серкизовичь, да Михаило Ивановичь и иная многая дружина.

IX. «Пересвѣта чернца Брянскаго боярина на суженое мѣсто привели. И рече Пересвѣтъ чернецъ в. к. Дмитрею Ивановичю: Лучши бы намъ потятымъ быть, нежели полоненымъ отъ поганыхъ Татаръ. Тако бо Пересвѣтъ поскакиваетъ на своемъ добрѣ конѣ, а злаченымъ доспѣхомъ посвѣчиваетъ; а иные лежатъ посѣчены у Дунаю великого на брезѣ. И въ то время стару надо помолодѣть, а удалымъ людямъ плечь своихъ попытать. И молвяше Ослабя чернецъ своему брату Пересвѣту старцу: Брате Пересвѣте, вижу на тѣлѣ твоемъ раны великія; уже, брате, летѣти главѣ твоей на траву ковыль, а чаду твоему Іякову лежати на зеленѣ ковылѣ травѣ, на полѣ Куликовѣ на рѣчкѣ Напрядѣ, за вѣру крестьянскую, за землю за Рускую и за обиду великаго князя Дмитрія Ивановича.

X. И въ то время по Резанской землѣ около Дону ни ратаи ни пастуси въ полѣ не кличютъ, но едины вороны граютъ, трупи ради человѣческія. Грозно и жалосно въ то время бяше тогды слышати, занеже трава кровію пролита бысть, а древеса тугою къ земли приклонишася, и воспѣли бяше птицы жалостные пѣсни.—Память о погибшихъ, помѣщенная тутъ въ Кирил. спискѣ, поставлена выше въ ст. VIII.

XI. Восплакашася вси княгини и боярыни и вси воеводскіе жены о избіеныхъ. Микулина жена Васильевича Ѳедосья да Дмитріева жена Марья рано плакашася у Москвы града на забралахъ стоя, а ркутъ тако: Доне, Доне, быстрая рѣка, прорыла еси ты каменыя горы и течеши въ землю Половецкую, прилелѣй моего господина Микулу Васильевича. А Марья про своего господина тоже рекла. А Тимоѳеева жена Волуевича тако же плакахуся и рече тако: Се уже веселіе мое пониче въ славномъ градѣ Москвѣ. И уже не вижу своего государя: Тимоѳея Волуевича въ животѣ нѣту. А Андреева жена Марья да Михаилова же-

на Оксинья рано плакашася: Се уже обѣма намъ солнце померкло въ славномъ градѣ Москвѣ. Примахнули къ нимъ отъ быстраго Дону поломяные вѣсти, носяше великую бѣду. И ссѣдоша удальцы з добрыхъ коней на суженое мѣсто на полѣ Куликовѣ, на рѣчкѣ Напрядѣ. И восплакалися жены Коломенскіе, а ркутъ тако: Москва, Москва, быстрая рѣка. чему еси залелѣяла мужей нашихъ отъ насъ въ землю Половецкую. И ркутъ тако: Можешь ли, господине к. в. веслы Нѣпръ запрудить. Замкни, государь, Окѣ рѣкѣ ворота, чтобъ потомъ поганые Татаровѣ къ намъ не ѣздили. Уже мужей нашихъ рать трудила.

II. Отрывки изъ того-же Слова о Задонщинѣ и другихъ такихъ-же словъ, занесенные въ повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ.

Въ повѣстяхъ о Мамаевскомъ побоищѣ, какъ было уже замѣчено, есть кое-что напоминающее складомъ Слово о полку Игоревѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Слово о Задонщинѣ. Эти мѣста, болѣе или менѣе отличающіяся отъ всего остальнаго, суть вставки, прибавленныя къ повѣствованію переписчиками и передѣлывателями, — и многія взяты дословно изъ Слова о Задонщинѣ. Онѣ важны, какъ отрывки изъ особенныхъ списковъ этого Слова, и потому важны для вѣрнаго уразумѣнія текста Слова. Не менѣе любопытны и другія подобныя мѣста повѣстей, какъ отрывки, можетъ быть, изъ особенныхъ словъ о Куликовской битвѣ. Съ достовѣрностью, кажется, можно предположить, что было по крайней мѣрѣ два такихъ слова: одно — то, которое представлено выше въ чтеніи и въ которомъ особенно выставленъ князь Владиміръ Андреевичъ; другое, какъ видно изъ повѣстей о Мамаевскомъ побоищѣ, прославляло болѣе всего боярина Димитрія Волынца.

Приводя отрывки изъ повѣстей, напоминающіе складомъ Слово о Задонщинѣ, я не ограничивался только тѣми которые или есть въ его спискахъ, или ни чѣмъ не от-

личны отъ нихъ по характеру. Передѣлыватели повѣстей, очевидно, не рѣдко передѣлывали и мѣста изъ словъ подъ ладъ повѣстей, измѣняли слогъ, расположеніе словъ въ выраженіяхъ, сокращали и еще часто увеличивали ихъ: въ числѣ другихъ я далъ мѣсто и этимъ, на сколько умѣлъ ихъ отличить. Въ скобкахъ помѣщены такіе варіанты этихъ мѣстъ, которые нельзя было помѣстить иначе.

«Идетъ царь Мамай на Русь со многими ордами и еще съ нимъ Олегъ Рязанскій и Ольгирдъ Литовскій. Не спѣшитъ царь того дѣля, яко осени ждетъ, хочетъ быти на Русскія хлѣбы. Князь же Великій Димитрей Ивановичь.... нача утѣшатися о Бозѣ, укрѣпляя брата своего Владимера и всѣ Русскіе князи, ркучи имъ тако: Братія моя Рустіи князи и воеводы и боляря! Гнѣздо есме князя Владимера Кіевскаго.... И рече ему князь Владимеръ Андреевичь и вси Рускіи князи. ...Мы же, господине, готовимся умерети главы своя сложити за святыя церкви и за Христову вѣру и за твою обиду великаго князя.

«Уже бо, братіе, не стукъ стучитъ и не громъ гремитъ въ славнѣ градѣ Москвѣ: стучитъ рать великаго князя Димитрея Ивановича. Гремятъ Русскіе удальцы злачеными шеломы и доспѣхи.... Княгиня же великая Овдотія и княгиня князя Владимера и иныхъ православныхъ князей княгини съ воеводскими женами ту стоячи, проводу дѣютъ, и въ слезахъ захлипаяся, ко сердечному ни едина не можетъ словеси рещи. Князь же великій Димитрей Ивановичь вступи во златокованное стремя и сѣде на своего любовнаго коня; вси же князи и воеводы на свои кони сѣдоша. А солнце со всхода свѣтитъ и путь ему повѣдаетъ И вѣтрецъ тихъ и теплъ по нихъ вѣетъ. Уже бо тогда, яко соколи отъ златыхъ колодецъ, рвахуся, выѣхали князи Бѣлозерскія изъ камена града Москвы со своимъ полкомъ. Урядне бо полци ихъ видѣти, яко достоитъ имъ

избавити стада лебедина; бѣ бо храбро воинство ихъ. Князь великій Димитрей Ивановичь рече брату своему князю Владимеру Андреевичу и инымъ княземъ и воеводамъ: Братія моя милая, не пощадимъ живота своего за вѣру христіанскую и за святыя церкви и за землю Русскую. И говоритъ князь Владимеръ Андреевичь: Господине князь Димитрей Ивановичь! воеводы у насъ вельми крѣпци, а Рускіе удальцы свѣдоми, имѣютъ подъ собою борзы кони, а доспѣхи имѣютъ вельми тверды, злаченые калантыри и булатныя байданы, и калчары Фрязскіе, корды Лятцкіе, сулицы Нѣмецкія, щиты червленыя, копья злаченыя, сабли булатныя; а дорога имъ вельми свѣдома, берези имъ по Оцѣ изготовлены; хотятъ головы своя сложити за вѣру христіянскую и за твою обиду, государя великаго князя. Князь же великій Димитрей Ивановичь отпусти брата своего князя Владимера Андреевича на Брашево дорогою, а Бѣлозерскія князи отпусти Болванскою (Болвайской) дорогою; а самъ пойде у родицѣ подъ Котелъ. Спереди ему солнце сіетъ и добрѣ грѣетъ, а по немъ кроткій вѣтрецъ вѣетъ. Княгиня же Евдокѣя со своею снохою и иными княгинями и съ воеводскими женами взыде на златоверхій свой теремъ на набережный, и сяде подъ южными окны, и рече: Уже бо конечно зрю на тебя великаго князя. А въ слезахъ не можетъ словеси рещи. Воздохнувъ печально и шибъ руцѣ свои къ персемъ, и рече: Господи Боже великій! призри на мя смиренную; сподоби мя еще государя своего видѣти славнаго въ полцѣхъ, великаго князя Димитрія Ивановича. Ни на кого же бо надежи не имамъ, токмо на тебя всевидящаго Бога.

«Тогда же возвѣяша силни вѣтри по Бервицѣ широцѣ (по Боровской дорозѣ — по велицѣй широцѣй дорозѣ). Воздвигошася велици князи, а по нихъ Русскіе сынове успѣшни грядутъ, аки медвяны чаши пити и стеблевинны ясти (медовыя чаши пити и стебліа виннаго ясти). Но не медвяны чаши пити ни стеблевинны ясти грядутъ: хотятъ укупити

чти (себѣ чести добывати) и славнаго имени во вѣки земли Русской, великому князю Димитрею Ивановичю похвалу и многимъ государемъ. Дивно и грозно бо въ то время слышати: а громко въ варганы бьютъ, тихо съ поволокою ратные трубы трубятъ, многогласно и часто кони ржутъ. Звѣнитъ слава по всей Русской земли. Велико вѣчье бьютъ въ великомъ Новѣградѣ. Стоятъ мужи Новгородцы у святыя Софѣи премудрости Божія, а ркучи межи собою таковое слово: Уже намъ, братіе, на помощь не поспѣти къ великому князю Димитрію. Уже бо яко орли слеталися со всей Русской земли, съѣхалися дивныи удальцы, храбрыхъ своихъ пытати.

«Не стукъ стучитъ, не громъ гремитъ по зорѣ, стучатъ и гремятъ Русскіе удальцы. Князь Володимеръ Андреевичь возится рѣку на красномъ перевозѣ на Брашевскомъ (въ Боровскѣ). Князь же великій Димитрей Ивановичь пріиде въ субботу на Коломну.... Во утріи же день князь великій повелѣ всѣмъ воеводамъ выѣхати на поле Дѣвиче и всѣмъ людямъ сниматися.... И начаша мнози гласи трубъ ратныхъ гласити. И варганы тепутъ, и стязи ревутъ поволочены въ саду Памфиловѣ (у сада Памфилова). Сынове Русскіи наступиша поля Коломенскія.... И рече князь великій брату своему князю Владимеру: Поспѣшимъ, брате, противъ безбожныхъ силъ. Не утулимъ лица своего отъ поганыхъ, аще смерть случится намъ, тамо дома живучи единако умрети же; отъ смерти бо, брате, не избыти.

«Князь великій повелѣ вою своему Донъ возитися: сторози же мнози ускориваютъ (прискоряютъ), яко ближутся Татаровѣ. Мнози же Русскіе удальцы возрадовалися, зря своего желаннаго подвига, его же на Руси вжелѣша. Волци и лисици воютъ по вся дни и нощи непрестанно: грозѣ быти великой, храбрымъ полкомъ сердца утвержаетъ. И мнози ворони собрашася, необычно неумолкающе граютъ; галицы же своею рѣчью говорятъ; и мнози орли отъ усть Дону приспѣша; лисици на кости брешутъ, глядячи

на златыя доспѣхи, ждучи дни грознаго, Богомъ изволеннаго, въ онъ же имать пастися множество трупа человѣческаго и крови пролитися аки морскимъ водамъ. Отъ таковаго страха и отъ великія грозы дерева приклоняются и трава постилается.... Князь же великій, поимъ брата своего князя Владимера и Литовскіе князи и воеводы и всѣ мѣстные князи, выѣха на высокое мѣсто, и зряше на прапоры воеводскіе и на все войско. Стязи ревутъ наволоченіи, у богатырей хоругови аки живы пашутся, а доспѣхи Русскія аки вода сильна во вся вѣтры колеблются, а шеломы на главахъ ихъ аки утреняя заря, еловцы же шеломовъ ихъ, аки поломя огненное пашется.... Вси единъ за единаго хотятъ умрети. Князь же великій Димитрей Ивановичь, видѣвъ полки своя достойно уряжены, обвеселися сердцемъ, и сшедъ съ коня паде на колѣно на травѣ зеленѣ прямо великому полку и черному знаменію....

«Уже нощь бысть (уже нощь приспѣ) и заря загасе..... Рече Димитрей Волынецъ великому князю примѣту: Войску уже бо вечерняя заря потухлэ. Димитрей же сяде на конѣ свои, поимя съ собою великаго князя, выѣхавъ на поле Куликово, и ставъ посредѣ обоихъ полковъ, слыша стукъ великъ и крикъ, аки торзи снимаются, аки городы ставятъ, аки трубы гласяще. И бысть же назади Татарскихъ полковъ — волцы воютъ велми грозно, по правой же сторонѣ ихъ вороны и галици беспрестанно кричаша, и бысть великъ трепетъ птицамъ, прелетающимъ отъ мѣста на мѣсто, аки горамъ играюще; противу же имъ на рѣцѣ на Непрядвѣ гуси и лебеди и утята крилами плещутъ необычно и велику грозу подаютъ. Рече же Волынецъ великому князю: Что еси, господине княже, слышалъ? И рече князь великій: Слышахъ, брате, гроза велика есть. И рече Волынецъ: Обратижеся, княже, на полки Русскіе. И яко же обратися, и бысть тихость велика. Волынецъ же рече великому князю: Что еси, господине, слышалъ? Онъ же рече: Ничто же, брате, слышати, но токмо видѣхомъ отъ мно-

жества огненны зари не снимахуся. И рече Димитрей Волынецъ: Княже господине, огни — добро знаменіе (добра суть примѣта и знаменія). Призывай Бога небеснаго и не оскудѣвай вѣрою. И паки рече: Еще ми примѣта есть. Сшедъ съ коня, и паде на землю на правое ухо, предлежа на долгъ часъ, и ставъ абіе пониче. И рече ему князь великій: Что есть, брате, примѣта? Онъ же не хотѣ сказати ему. Князь великій нудивъ его добрѣ. Онъ же рече ему. Едина то есть на пользу, а другая скорбная. Слышахъ землю плачющуся на двое: едина страна, аки нѣкая жена плачющися чадъ своихъ Еллинскимъ гласомъ; другая же страна, аки дѣвица (вдовица), просопе аки въ свирѣль едино плачевнымъ гласомъ. Азъ убо множество тѣхъ примѣтъ испытахъ: сего ради надѣюся на Бога и ко святымъ мученикамъ Борису и Глѣбу, сродникамъ вашимъ. Азъ чаю побѣды на поганыхъ; а крестьянъ множество падетъ. Слышавъ же то князь великій, прослезився рече: Да будетъ воля державѣ Господнѣ. И рече ему Волынецъ: Не подобаетъ ти, государю, того никому въ полцѣхъ повѣдати, но комуждо молити Бога вели и святыхъ его на помощь призывати.

«Свитающу праздьнику..... начаша стязи христіанстіи простиратися, начаша гласы трубныя отъ обоихъ странъ сниматися. Татарскія же трубы аки онѣмѣша, Русскія же паче утвердишася. Полци же еще не видятся, занеже утро мгляно; но велми земля стонетъ, а ту грозу подаетъ на востокъ же до моря, на западъ же до Дуная, поле же Куликово прегибающеся. Вострепеташа лузи и болота, рѣки же и озера изъ мѣстъ своихъ выступиша; ино николи же убо толикимъ полкомъ быти на мѣстѣ томъ.

«Рече князь великій: — Общую чашу имамъ пити съ вами. Аще ли умру, вмѣстѣ съ вами; аще ли живъ буду вмѣстѣ съ вами же. Передовыи же полки ведетъ Димитрей Всеволожь, а съ правую руку ему идетъ Микулай Василье-

вичь со Коломничи, съ Новгородскими посадники. Погании же бредутъ оба полка; нѣгдѣ бо имъ раступитися. Мало есть мѣста имъ....

«Князь великій рече своимъ полковникомъ (своему войску): Видите, братія, гости наши ближутся. Уже бо время приближися и часъ приспѣ. Удариша кождо по коню своему, и поскочиста вси аки медовыя чаши пити. Храбрымъ сердца веселяхуся, а имъ (поганымъ) сердца ужасошася. И кликнуша единымъ гласомъ: Съ нами Богъ! и паки: Боже крестьянскій, помози намъ. Татарове же склинуша своими языки, и крѣпко ступишася. Треснуша копія харалужныя; звенятъ доспѣхи злаченыя, стучатъ щиты черленыя, гремятъ мечи булатныя и блистаются сабли булатныя.... На полѣ Куликовѣ между Дономъ и Мечею сильни полки ступишася; изъ нихъ же вытекаютъ кровавые ручьи, и трепещутъ силніи молніе отъ блистанія мечнаго и отъ сабель булатныхъ; и бысть яко громъ отъ копійнаго сломленія (Велиціи полци и крѣпко біющися и напрасно щипляются щиты богатырскіе о злаченые доспѣхи, а ліется кровь богатырская подъ сѣдлами коваными, блискаютъ сабли булатныя около головъ богатырскихъ, катятся шеломы позлащеныя съ личинами добрыми конемъ подъ копыта, валяются головы многихъ богатырей съ добрыхъ коней на сырую землю). Не едины богатыри Русскіе біены быша, но и Татарскихъ вдвое; не токмо бо оружіемъ біющеся, но и сами отъ себе разбивахуся.... Воля Господня совершается. Въ то же время тутошныя рѣки мутно пошли, вострепеташа лузи и болота, озера выступиша изъ мѣстъ своихъ, протопташася холми высокіе, траву же кровію подмывало.... Божіимъ попущеніемъ, а нашихъ ради грѣховъ, начаша одолѣвати погании. Мнози бо отъ вельможъ Рускихъ побіени суть, и Рускіе удальцы побіени суть, аки сильніи древа сломишася. Не турове возревѣша, возревѣша мнози удальцы, урывающеся на землю подъ конскіи копыта, и мнози же сынове Рустіи сотрошася.

«Слышавъ же ту погибельную вѣсть, Микулина жена Васильевича Өедосья да Марья Тимофеева жена Волуевича рано сташа у Москвы рѣки, рекоша: Доне быстрая рѣка! протекла еси восквозѣ горы каменныя, а течешь въ землю Половецкую. Залелѣяла моего государя Микулу Васильевича. Тимоөеева жена Волуевича тако же плакашесь въ славнѣмъ городѣ Москвѣ, глаголюща: Уже бо не вижу своего государя въ животѣ, Тимоөея Волуевича. Княгиня же великая Овдотья нача утѣшати ихъ, глаголюща: Не плачите вы по своихъ мужехъ: какъ дастъ Богъ, дождемся своего государя великаго князя Димитрія Ивановича, какъ государь учнетъ васъ утѣшати и дарми утоляти, а за вашихъ мужей службу великую память творити. И рече Андреева жена Черкизовича Аксинья. Государыни наша великая княгиня Овдотья! се уже веселье наше миновалось, солнце наше померче въ славномъ городѣ Москвѣ. И прочія боярыни рано плакашась, вышедъ на боерѣчни кручи стояща: Тако, Москва быстра рѣка, залелѣяла еси мужей нашихъ, а течеши отъ насъ въ землю Половецкую. А ркучи тако: Мощно ли тебѣ, государь нашь, великій князь Димитрей Ивановичь, о веснѣ прудъ запрудити, а Донъ рѣку шеломами вычерпати и влити ту воду въ тотъ прудъ. Аще государь, рѣку трупомъ Татарскимъ запрудишь, затыни, государь, Москвѣ ворота, чтобъ поганіи Татаровѣ на Русь не шли. Уже, государь, мужей нашихъ побили Татаровѣ на полѣ Куликовѣ, межъ Дономъ и Мечею, на рѣчкѣ Непрядвѣ.

«Лѣпо бо есть въ то время и стару помолодитися а молодому храбрости испытати.... Богатыри же Русскіе выѣдоша изъ дубравы зеленые, аки ясные соколы испущены ударишася на стада жеравлина. Бьяху ихъ, аки лѣсъ клоняху. Аки трава отъ косы постилается, Русскими мечи сѣкутся Татарскіе полки. И побѣгоша въ поле неуготованными дорогами въ Лукоморье, скрегчюще зубы своими и рекуще: Уже намъ въ своей земли не бывати, а катунъ

своихъ не трепати, а дѣтей своихъ не видати; трепати намъ земля сыра; цѣловати намъ зеленая мурава, а на Русь намъ уже ратью не ходити, а выходовъ намъ не имати. Застонула Татарская земля бѣдами и тучами покрывающеся; уныли сердцемъ хотѣнія, княземъ похвала — на Русскую землю ходити. Уже бо сынове Русскіе разграбиша доспѣхи и щиты всякое узорочье, отласы и бархаты.

«Грозно, брате, посмотрѣти; понеже бо въ то время лежитъ трупъ христіанскій аки сѣнные стоги, а Донъ рѣка три дни кровью текла, а рѣка Меча вся запрудилась трупомъ Татарскимъ. И рече князь великій Димитрей Ивановичь: Братія, князи Русскіе, воеводы мѣстныя! Считайтеся братья, коликихъ у васъ воеводъ нѣтъ, коликихъ молодыхъ нѣтъ. Говоритъ Григорій (Михаило) Александровичь Московскій бояринъ: Ну жь, господине князь великій Димитрей Ивановичь! Нѣтъ у насъ бояриновъ Московскихъ 40, а 12 князей Бѣлозерскихъ, а 3 бояриновъ посадниковъ Новогородскихъ, а 40 бояриновъ Серпуховскихъ, а 25 бояриновъ Переяславскихъ, а 25 бояриновъ Костромскихъ, а 35 бояриновъ Володимерскихъ, а 8 бояриновъ Суждальскихъ, а 40 бояриновъ Муромскихъ, а 30 бояриновъ Ростовскихъ. а 25 бояриновъ Дмитровскихъ, а 70 бояриновъ Звинигородскихъ, а 15 бояриновъ Углецкихъ; а сгинуло у насъ дружины полтретья ста тысячь. И помилова Богъ землю Русскую, осталося всего дружины сорокъ тысячей и пять. Рече же великій князь Димитрей Ивановичь: Братья, князи Русскіе, воеводы мѣстныя, молодые люди избиты всѣ. Вамъ, братья, сужено между Домомъ и Днѣпромъ на полѣ Куликовѣ, на рѣцѣ Непрядвѣ: положили есте головы своя за землю Русскую за святыя церкви.

«Удальцы восплескаша въ Татарскихъ узорочіяхъ, везучи въ землю Русскую насычи, бугаи, кони и волы и вельблюды, меды и вина и сахарь. Превознесеся слава Русская надъ поганыхъ землею. Ревутъ рози великаго князя ко всѣмъ землямъ, поиде вѣсть по всѣмъ градомъ —

къ Орначу Криму, къ Кафѣ, къ Желѣзнымъ вратомъ, къ Царюгороду на похвалу: Русь поганыи одолѣша на полѣ Куликовѣ, на рѣчкѣ на Непрядвѣ. Воздадимъ хвалу Русской земли. Прославимъ милость Божiю во вѣки вѣковъ. Аминь.»

Читатель, вѣроятно, замѣтилъ дословныя или почти дословныя повторенія однихъ и тѣхъ же довольно сложныхъ выраженій: мнѣ кажется, это доказываетъ, что и составители повѣстей пользовались готовымъ запасомъ изъ словъ о Куликовской битвѣ по памяти, какъ составители сѣверныхъ сагъ (повѣстей) готовымъ запасомъ изъ квидъ (словъ).

НѢСКОЛЬКО ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХЪ ЗАМѢЧАНІЙ КЪ СЛОВУ О ЗАДОНЩИНѢ.

I. II.

— Пѣвецъ, гусленными словесы воспѣвающій Задонщину, начинаетъ свое слово воззваніемъ къ братіи обратиться *въ полунощную страну*, т. е. на сѣверъ, и посмотрѣть на Русскую землю: этотъ сѣверъ для него и его братіи — Кіевъ. Самъ онъ, со своею братіею, былъ, стало быть, не землякъ этого сѣвера, взывалъ откуда-то изъ-за Кіева, изъ земли болѣе южной. Откуда же? И однако родомъ онъ былъ, кажется, Русскій, обращаясь къ Русскимъ такъ: «Снидемся, братие и дрѹзи, и сынове Рѹскии». Невольно вспадаетъ на умъ Волынь и Галичь и тѣ Русскія поселенія, которыя, въ XII—XIII столѣтіи были на Дунаѣ, и въ которыхъ, по Слову о полку Игоря, пѣснями выражали радость о возвращеніи Игоря изъ плѣна Половецкаго: «Солнце свѣтится на небесѣ, Игорь князь въ Русской земли. Дѣвици *поють на Дунаи*. Вьются *голоси* чрезъ море до Кіева».

— *Возверземъ печаль на восточнѹю странѹ* — передадимъ горе востоку. *Воздадимъ Мамаю побѣду* — провозгласимъ пораженіе Мамая. Слово *побѣда* въ смыслѣ пораженія употреблялось часто: — «О мъного побѣды, братье, бесчисльное число, яко не можетъ духъ человѣчьскъ домыслити, избьеныхъ и повязаныхъ. Новг. I. 35. Възнесъ Богъ десницу князя великаго Дмитрея Ивановича и брата его на побѣду иноплеменикъ. Новг. 1. 92. *Побѣдить* и теперь значитъ поразить.

— *Лудчи* вм. *луччи-лучше*, какъ *Лядскій* вмѣсто *Ляшскій*.

— *Лудчи повѣдати иными словесы отъ похвальныхъ сихъ.* Думаю, что вмѣсто *иными словесы* въ подлинникѣ было *пѣснеми и гуслеными словесы*, какъ и ниже: *азъ же восхвалю пѣснями и гуслеными словесы.* Весь этотъ возгласъ напоминаетъ начало Слова о п. Игор.: Не лѣпо ли ны бяшеть, братіе, начати старыми словесы и пр.

— *Не прорazимся мыслію* — не увлечемся мечтаніемъ, фантазіей. *Землями помянемъ первыхъ лѣтъ времена:* было ли и въ подлинникѣ *землями*, можно сомнѣваться; если же было, то смыслъ выраженія долженъ быть, кажется, такой вспомнимъ гдѣ что было въ старое время. *Восхвалимъ вѣщаго Бояна* — за то, что онъ пѣлъ славу первымъ Русскимъ князьямъ. Тутъ въ словѣ о Задонщинѣ есть различіе отъ Сл. о полку Игоревѣ: въ одномъ Боянъ восхваляется какъ пѣвецъ правды, а въ другомъ представленъ пѣвцомъ, который любилъ слагать пѣсни по своему замышленію, фантазировать.

— Боянъ названъ *гораздъ гудецъ* — искусный гусляръ. Гудцомъ же названъ въ лѣтописи и тотъ Орь, котораго Половецкій ханъ Сырчанъ, по смерти Владиміра Мономаха, послалъ къ брату своему въ Абхазію уговорить его воротиться въ Поля: «Пой ему пѣсни Половецкія», говорилъ ему Сырчанъ. Конечно, дѣло шло не о простыхъ пѣсняхъ, которыя могли быть пѣты и другими Половцами, ушедшими въ Абхазію, а о пѣсняхъ славы — о подвигахъ Полов-

цевъ въ Поляхъ противъ Русскихъ. И Половцы воротились. Былъ ли въ самомъ дѣлѣ гораздъ этотъ Орь, Богъ знаетъ; но въ лѣтописномъ пересказѣ народной вѣсти о томъ, какъ усилились Половцы скоро послѣ при Кончакѣ, отпечатлѣлся, кажется, обычай древней Руси, и высказалось значеніе, какое имѣли въ ней *гудцы*. Данныхъ о нихъ такъ мало, что нельзя опустить изъ виду и этого.

III.

— *Пашутся хоръгови берчати* — развѣваются бердчатыя знамена. Ниже: *пашуть* синіи молньи. Срав. *Іоан. Экз*: — Многажды или вѣтрьникомъ или понѣвою *пашоуще*, а тихоу соущю вълдоухоу, поженемъ, и ти въставивъше створимъ вѣтры ѿ *паханиꙗ*.

— *Свѣтятся калантыри злачены*. *Калантырь* — кольчужный покровъ безъ рукавовъ. Сравн. Исп. calandrajo, сред. Лат. calantica (Дюканжа, Gloss.), Араб. *калансува Френъ*, Ibn-Foszlan. 115).

— *Колоколи вѣчніе* — вѣчевые. «Спустиша колоколъ вѣчьной у св. Троицы, и начаша людіе плакати на колоколѣ по моей старинѣ и по воли». Псков. лѣт. подъ 1510.

IV.

— *Соловій птица, чтобы если выщекотала сія два брата.*

Чтобы употреблено тутъ въ томъ же смыслѣ, какъ употреблялось древнее *абы*. Сравн. въ *Сл. о полку Игор.*: О Бояне, соловію стараго времени, абы ты сіа плъкы ущекоталъ; въ *Посл. Іакова къ кн. Дмитрію*: Абы не припорно ти слышати чюдно оуказаніе!... абы не попустилъ нынѣ юности грабити съ собою.

— *Выщекотати* — возбудить пѣснію; тоже, что въ *Сл. о п. Игор. ущекотати*. Тотъ же глаголъ только съ другимъ предлогомъ находимъ въ статьѣ *о Книгахъ ложныхъ*: сорока пощекочетъ (запоетъ). Срав. въ народ. пѣснѣ: Во саду ли было подъ яблонью, въ зеленомъ подъ кудрявою соло-

вей выщекочетъ (Сахар. Хоровод. пѣсни. 36). Въ Сл. о п. Игор. есть и существ. *щекотъ*: щекотъ славій успе.

— *Два сына Вольярдовы:* Андрей Полотскій и Дмитрій Корибутъ Брянскій были дѣйствительно дѣти в. к. Литовскаго Ольгерда. Уже въ 1379 году они признали надъ собою власть в. к. Московскаго и получили отъ него удѣлы. (И. Г. Р. V. 53—54).

— *Дѣти Вольярдовы, внучата Едиментовы, правнучата Скольдимеровы.* Книжныя, довольно поздніе записи называютъ Гедимина сыномъ князя Витена. Считать ихъ вѣрными, какъ хотятъ нѣкоторые историки (между прочимъ и Нарбутъ. Dzieje narodu Litew. IV. стр. 455—463), нельзя потому что есть и такія данныя, которыя этому противорѣчатъ: Гедиминъ былъ конюшимъ Витена (magister stabuli, stabulatus officio fungebatur. Annal. Oliv. — Dlugosz X.), а такой должности не могъ носить княжичь. Если же Гедиминъ не былъ сынъ Витена князя, то почему же не былъ сынъ Скольда (Аскольда, Гаскольда) Скольдимера, какъ утверждало Русское преданіе? Былъ во время Витена знатнаго рода ратникъ Литовскій Скольдъ: онъ погибъ на битвѣ 1313 года, за два года до вступленія Гедимина на княженіе Литовское. (Дюсбургъ. 310. 311).

V.

— *Пашутъ синіе молньи* изъ кровавыхъ облаковъ. Въ другомъ мѣстѣ: часто сіяли молыньи (VIII). Срав. въ *Сл. о п. Игор.*, трепещуть синіи млъніи... *Синій* — въ собственномъ, коренномъ смыслѣ значитъ свѣтлый, сіяющій, какъ производное отъ *си-ꙗти* = *сѣ ти.* Свѣтлыя облака названы также *синими*: птици небесныя пасꙋщеся тꙋ подъ *синіе оболока* летять. *Синіе небеса,* вѣроятно, въ томъ же смыслѣ.

— *Хинова* — названіе земли и народа. Ниже: шеломы *Хиновскіе*. Въ *Сл. о п. Игор.: Хинова*, Литва, Ятвязи, Деремела и Половци... Олегъ и Святославъ — въ морѣ (жиръ)

погрузиста и великое буйство подаста Хинови (т. е. Хиновѣ). Хиновьскыя стрѣлкы... Въ этомъ имени, вѣроятно, скрывается названіе Гунновъ (Οὖννοι): Хинова вм. Хунова = Хоунова.

— *Земля еси Русская, какъ еси была доселева за царемъ за Соломономъ.* Очевидно, имя Соломона дано здѣсь в. к. Владиміру: и въ древности уже сравнивали Владиміра съ Соломономъ.

— *Соколи и кречати Бѣлозерскіе ястреби отъ златыхъ колодицъ изъ камена града Москвы возлетѣша подъ синіе небеса, позвонять своими злачеными колокольци. Колодица* — насѣсть, къ которой привязывались охотничьи птицы. — *Колокольцы* — бубенчики, которыми украшались ловчія птицы.

VII.

— *Копія харалужныя.* Тюркское слово *харалугъ*, употребленное нѣсколько разъ въ Сл. о п. Игоревѣ, употреблено еще въ Хронографѣ. См. ниже (XI): береги *харалужныя.*

— *Байданы бесерменскіе.* Байданы — родъ кафтана съ нашивными плоскими кольцами и бляхами. Въ Описи казны Бориса Годунова — бадана Мисюрская с сеченымъ кольцомъ и мишенью безъ ожерелья; воротъ и рукава и по подолу опушена, въ три ряда мѣдью золочено (Древ. Рос. Госуд. III. стр. XII). Въ описной книгѣ 1687 года байдана царя Алексѣя Михайловича описана такъ: байдана желѣзная; на концахъ слова чеканены; три мишени мѣдныя посеребрены». (Древ. III. 40). Слова, выбитыя на этой байданѣ: «съ нами Богъ никто же на ны». (См. рисунокъ въ Древ. III. № 38).

— *Поля бѣды возпиша.* — Поля (степи) взвыли бѣдою.

— *Поля вѣсть подаваша порожнымъ землямъ за Волгу, къ Желѣзнымъ вратомъ, къ Риму, до Черемисы, до Чаховъ, до Ляховъ, до Устюга, до поганыхъ Татаръ, за Дышущеемъ моремъ. Порожнія земли* — пустынныя? — *Желѣзныя врата* — Дербентъ. — *Дышущее море* — Аральское? Каспійское?...

IX.

— *Рече Ослебя брату моем8 Пересвѣт8*· «*Уже твоеи главѣ пасти на сырую землю, на бѣлую ковыл8 моем8 чад8 Іяков8*». Ниже читаемъ (Падоша) Іаковъ Ослебятинъ. Пересвѣтъ чернецъ (Х). Въ Сказаніи о побоищѣ Мамаевомъ: «Туто же близъ Пересвѣтъ чернецъ близь нарочитаго богатыря лежаше».

X.

— «*Уже, братіе, по Резанской землѣ около Дон8 ни ратаи, ни пастуси не кличють... только часто ворони грають*». Срав. въ Сл. о п. Игор.: Тогда по Руской земли рѣтко ратаевѣ кикахуть, нъ часто врани граяхуть. Можетъ быть, и тутъ слѣдовало бы поставить *кликахуть* вмѣсто *кикахуть. Кикати* — тоже что и стар. *кликати*, кричать, но говорится только о птицахъ: срав. Юж. Рус. *кигикати*.

— *Зогзици кокуютъ*. Въ Словѣ о п. Игор. *зегзица*. Въ Юж. Рус. зозуля вм. зогзуля — кукушка; въ Великорусскомъ западномъ зузуля=зузуля. Срав. Чеш. zezule, zezulice, žežhule, žežhulice; Польс. gzegzołka.

— *(Помянемъ) князій великыхъ и болярѣ сановныхъ, князя Феодора Романовича Бѣлозерскаго и сына его князя Ивана, Микул8 Васильевича. (Падоша) Феодоръ Мемко, Иванъ Сано, Михаило Вренковъ, Іаковъ Ослебятинъ, Пересвѣтъ чернецъ и иная многая дружина*. Въ Повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ: На томъ побоищи убиени быша... князь *Ѳеодоръ Романовичь* Бѣлозерскій и сынъ его князь *Иванъ*, князь Ѳеодоръ Семеновичь, князь Иванъ Михаиловичь, князь Ѳеодоръ Торускій, князь Мстиславъ братъ его, князь Дмитрій Монастыревъ *), Семенъ Михаиловичь, *Микула Васильевичь* тысяцкаго **), Михаилъ и Иванъ Акинфовичи, *Иванъ Александровичь*, Андрей Шуба, Андрей Серкизовъ, Тимоѳій Васильевичь, Волуй Окатьевичь, *Михаилъ Бренко*, Левъ Мазыревъ, Тарасъ Шатаевъ, Семенъ Меликъ, Дмитрій Ми-

*) Дорогобужскій. **) Сынъ тысяцкаго.

нинъ, *чернецъ Пересвѣтъ*, ему же имя Александръ. — Очевидно, у сочинителя Слова и у сочинителя Повѣсти были разные взгляды на важность потерь въ битву Куликовскую. Послѣднiй смотрѣлъ на погибшихъ по важности мѣстъ, которыя они занимали въ службѣ; первый, какъ кажется, цѣнилъ ихъ по степени уваженiя, которымъ они пользовались въ народномъ мнѣнiи.

XI.

— *Доне.... прилелѣй моего Микула*. Срав. въ Словѣ о п. Игор.: *лелѣючи* корабли на синѣ морѣ (о вѣтрѣ); лелѣялъ еси на себѣ Святославля носады, *възлелѣи* мою ладу ко мнѣ (о Днѣпрѣ); *лелѣявшу* князя на влънахъ (о Донцѣ).

XII.

— *Нюкнувъ князь гораздо и скакаше въ полцѣхъ*... Въ IV Новг. лѣтописи: Татарове удариша въ кони своя и скочиша въ борзѣ, и *нюкнуша* гласы своими (П. С. Лѣт. IV. 74): въ друг. сп. *нукнуша* = кликнувше.

— *Брате Дмитрей Ивановичь, туто у....шна времени.... а забрала не оставай. Времени*: очевидно, повелительное отъ *временити*, ждать, оставаться; но что за существительное, отъ котораго уцѣлѣлъ въ рукописи только конецъ *шна*?

XIII.

— *Уже бо востона земля Татарская, бѣдами бо и тугою покрыша бо сердца ихъ хотѣнiе князем и похвала Руской земли ходити*. Слѣдовало бы, можетъ быть: вмѣсто *покрыша бо* читать какъ въ Сказанiи *покрышася*, и прибавить за тѣмъ *уныли;* а вмѣсто *похвала Руской земли ходити* читать: *похвала по Руской земли походити* (срав. стр. 43): — *Бѣдами бо и тугою покрышася сердца ихъ* (Татаръ). *Уныли хотѣнiя князем ихъ и похвала по Руской земли походити.*

XIV.

— *Мамай притече къ Хавестѣ граду*. Повторяю, что замѣтилъ прежде: не описка ли вмѣсто *къ Кафестѣй земли?*

Если же не такъ, то могло еще быть: *притече Хаѳестъ земли къ граду.*

— *Ѳрязовѣ* вм. Фрягове: — разумѣются Генуезцы, владѣвшіе въ то время Кафой.

— *То тя била орда Залѣская.*—Ниже: Пойдемъ, брате во свою землю *Залѣсскую* (XV).—*Залѣсскою* стороною называлось, вѣроятно, все пространство на сѣверъ отъ полей. Срав. въ Воскрес. лѣт. подъ 1146 г.: — повоевавъ Корачевъ и бѣжа *за лѣсъ* въ Вятичи (П. Соб. Л. VII. 37). *Орда Залѣсская* — войско Московское.

— *Не бывати тебѣ въ Батыя царя* — не быть тебѣ такимъ смѣлымъ какъ царь Батый.

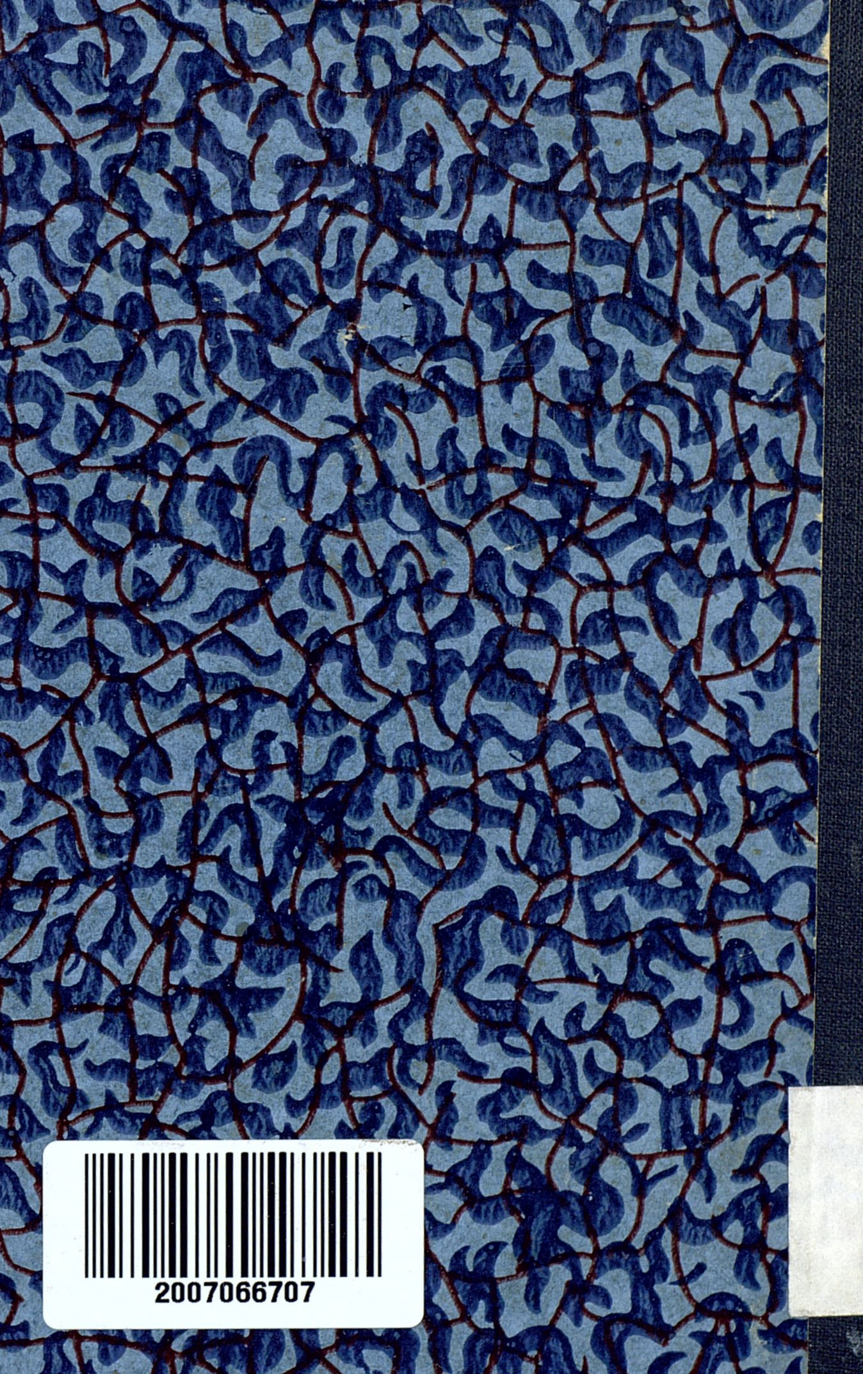
— *Кованая рать* — латники.

— *Нешто тебя князи Рускія горазно подчивали.... нешто гораздо упилися. Нешто* — видно, вѣрно: это слово въ такомъ смыслѣ употребляется въ народѣ и доселѣ.

— *Позаденешь и намъ отъ земли Руской.* Не слѣдуетъ ли читать: *позадѣнеть (ся) и намъ отъ з. Р.* — достанется и намъ отъ Русскихъ.

— *Уподобился еси милому младенцу у матери своей.* Вмѣсто *милому*, мнѣ кажется, должно читать *малому* (слабому, неразумному). Срав. въ Договор. Олега 911 года: да вѣзвратить имѣнье къ *милымъ*—*малымъ* ближикамъ въ Русь.

PKT

2007066707